

Павел Ильминский

**ЗАВТРА
НАЧИНАЕТСЯ
ВЧЕРА**

Книга 1. Путь на Эдем

Павел Ильминский

Завтра начинается вчера

«Издательские решения»

Ильминский П.

Завтра начинается вчера / П. Ильминский — «Издательские решения»,

Планета обречена. Пережившее ядерную войну человечество стоит перед угрозой экологической катастрофы. Спасение в переселении на недавно открытую планету Эдем. Правящая элита готовится к бегству, обрекая людей на медленную смерть. Ученый Дмитрий Бардин, открывший возможность мгновенного перемещения в пространстве, во главе «Сопrotивления» вступает в отчаянную борьбу с правительством, пытаясь сорвать эти планы. На земле, под землей и в Космосе идет ожесточенная схватка за право на жизнь.

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Бард	10
Сопротивление	14
Грин	16
Подземка	19
Inter maiores (Главный среди старших)	27
Схватка	32
Дебаркадер	37
Вершители	40
Корпорация	46
Перегонка	51
Вавилонская башня	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Завтра начинается вчера

Книга 1. Путь на Эдем

Павел Ильминский

© Павел Ильминский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается маме
Ильминской Тамаре Николаевне*

От автора

Автор выражает глубокую признательность, другу юности Николаю Титаренко, по сути, ставшему крестным отцом книги. Именно его творческие идеи, побудили автора к написанию этого произведения.

Особой благодарности заслуживает и Ирина Лалаянц, бескорыстно взявшая на себя труд, корректуры текста.

Хочется сказать спасибо, всем тем людям, которые так или иначе помогли в создании книги. Без их моральной поддержки, терпения и понимания, вряд ли книга увидела бы свет.

Огромное всем Вам СПАСИБО!

rusagros@mail.ru

Предисловие

Когдаверху-небеса без названья
А внизу земля была безымянна,
Когда Апсу, первородный их создатель,
И хаос Тиамат, что их породила,
Воды свои воедино мешали,
Ни болот, ни строений не было видно,
Когда боги не сияли во славе,...

*(«Энума элиш» – поэма о сотворение
мира Шумерские тексты)*

Планета медленно умирала. Тысячелетия беспощадной эксплуатации ресурсов, каверны пустот в земной коре, от выработанных шахт и нефтяных океанов, постоянно растущая шапка парниковых газов, изменивших атмосферу, климат, природу, как дамклов меч нависла над родом людским, не желающим и не умеющим умерить свой экспансивный рост.

Двадцать пять миллиардов, дышащих, потребляющих планктон и искусственный белок, испражняющихся, спаривающихся, страдающих и радующихся, любящих и ненавидящих друг друга? особей вида *Homo sapiens*, столпились на площади в сто пятьдесят миллионов квадратных километров. Меньше чем по шесть пресловутых соток на человека, со всеми его заводами, транспортными магистралями пищевыми фермами и прочими сооружениями. Слишком, слишком мало! Мало было всегда. И сотни тысяч лет назад, когда начинались первые войны за лучшие территории, за хорошие земли, за богатые пастбища и семь десятилетий тому..., когда началась последняя глобальная война. Она так и называлась в хрониках ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА. Унёсшая, без малого, четыре миллиарда жизней, нанёсшая непоправимый удар по экологии планеты, уничтожившая треть озонового слоя, и сделав не пригодной для проживания почти половину земель. Только этот рукотворный катаклизм, заставил человечество несколько поумнеть. Термоядерным ветром были сдуты с поверхности планеты границы государств, стёрты расовые и религиозные различия, превращены в радиоактивный пепел национальные амбиции. Человечество было усреднено и унифицировано как биологический вид. Но, ответом на массовое самоистребление и опоганивание, стал не виданный ранее демо-

графический всплеск. Благодаря успехам медицины. Была побеждена лучевая смерть, онкология, все известные, а так же, малоизвестные, бактерии и вирусы. Все, что могло представлять, хоть какую-то опасность для человека. Модификация генома старости, победы генной инженерии в области иммунологии, позволили людям увеличить продолжительность жизни до 120 лет, а детская смертность, несмотря на всеобщее обнищание и голод, вовсе сошла на нет. Умереть просто так никому не давали, ибо в извращённом мозгу, религиозных фанатиков, единственной объединённой церкви, возник простой постулат «Рождённый в страданиях должен и жить страдая». Умереть можно было только от старости, либо быть казнённым, за преступления направленные против установленной власти. Именно поэтому, дикое и ожесточённые вспышки народных бунтов, подавлялись с особой жестокостью, хоть как-то уменьшая количество населения.

Нет, люди не перестали быть бедными и богатыми. Более того после «Последней войны» расслоение общества по признакам обеспеченности достигло своего исторического апогея. Расслоение общества и хроническое перенаселение, породило и самую жуткую за всю историю планеты, систему власти. Небольшая кучка политической и финансово-промышленной элиты, обеспечивала свою власть с помощью, более – менее многочисленного среднего класса и отлично подготовленной, морально кастрированной и великолепно вымуштрованной полицейской армии. Впрочем, и элита и средний класс, и полицейские силы составляли едва ли одну десятитысячную часть населения планеты. Все остальные, униженные самим фактом своего рождения, ежесекундно вынужденные бороться за своё существование, были обречены, на вечный голод и изнурительную вымывающую волю, и самую жизнь, работу. Будни низов общества, были серы и безрадостны, как подземелья, в которых они работали и жили. Лишь иногда, яростными проблесками во мраке повседневности вспыхивали искры первобытной, почти животной страсти, увеличивая в разы население планеты. Была ли там любовь? Наверное, в какой – то степени да. Но именно в какой-то. Ибо моральные нормы и принципы были искусственно занижены до такой степени, что говорить о высоких чувствах не приходилось. Более того, правящей элитой с помощью оголтелой пропаганды и информационного прессинга, буквально насаждались нетрадиционные отношения полов. Разврат, насилие, потребление наркотиков и алкоголя, были единственным громоотводом правящей элиты и как ни парадоксально, основным фактором, сдерживающим демографический рост населения.

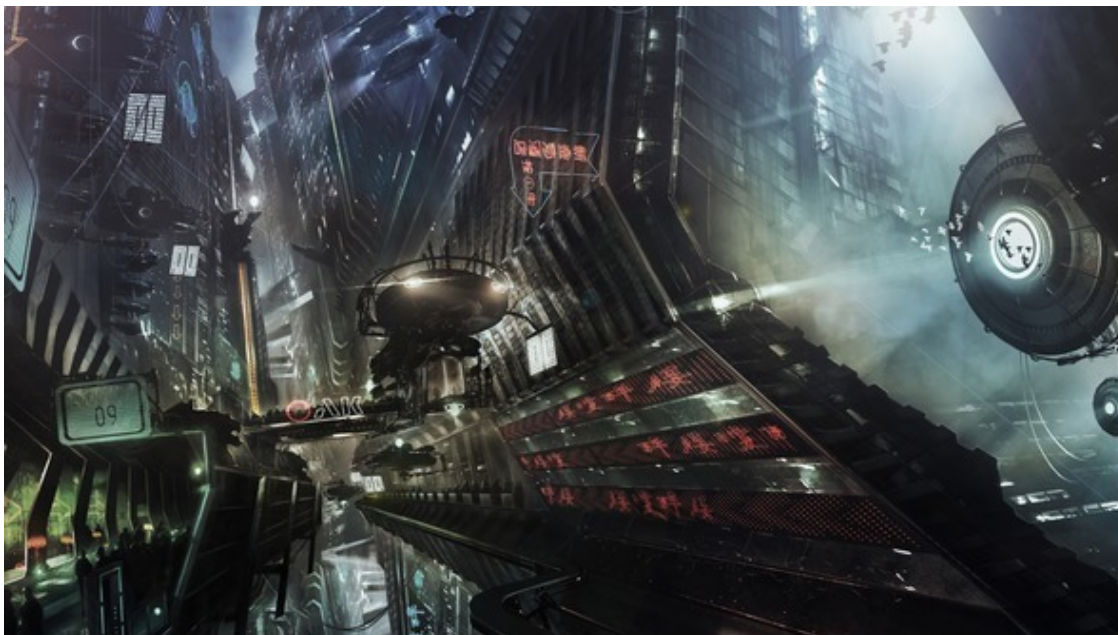
И вот в этот, мрачный и загаженный мир, ярчайшим метеором, искрой надежды, ворвалась ошеломляющая весть. Древняя, еще на заре космической эры направленная к Альфе Центавра-В, автоматическая, станция закончила свою космическую одиссею у одной из планет, этой двойной звезды. Да не просто закончила, но и сумела передать собранные материалы на родительскую планету. И это было настоящее чудо.

Она была прекрасна – эта жемчужина космоса. Серединный океан, словно пояс располневшей красотики, делил планету на два полушария строго по экватору. Два южных и два северных континента были расположены почти перпендикулярно друг к другу. Период обращения вокруг светила равнялся полутора земным годам. Сутки планеты составляли тридцать земных часов. Тридцатиградусный наклон оси к эклиптике, а так же оптимальное удаление от светила, обеспечивали ровный и мягкий климат на всей планете. Среднегодовая температура составляла около двадцати градусов и без резких колебаний по временам года. Результатом мягкого климата планеты, стали огромные просторы луговой зелени и буйство лесов в субтропическом поясе. Ближе к полярным шапкам, как ожерелье на каждом континенте были рассыпаны цепи бирюзовых озер или внутренних морей. Низко холмистый рельеф позволял предположить почтенный возраст планеты и как результат, почти угасшую тектоническую активность. Но самое главное, воздушная оболочка планеты содержала почти 28 процентов кислорода и всего 0,2 процента углекислого газа. В общем, планета представляла собой точную копию библейского рая, до заселения его людьми, если таковой вообще, когда-то был. А судя по сним-

кам ночной стороны, освещаемой двумя лунами, отсутствие разумной жизни было гарантировано почти на сто процентов, полным, без единого огонька искусственного освещения, мягким сумраком девственной природы. И поскольку это открытие имело эпохальное значение для судеб миллиардов землян, без лишних изысков ее нарекли Эдемом, новым раем, светлой зарей, новой жизни для всего человечества.

Так думали миллиарды обездоленных людей, на истерзанной войнами и катаклизмами планете Земля. Но, не так думала правящая элита. У нее были свои планы и свои расчеты, на удачно обнаруженную и такую во всех отношениях подходящую планету.

Бард

И не сим только, но хвалимся и скорбями
зная, что от скорби происходит терпение, от
терпения опытность, от опытности надежда
(К Римлянам послание св. Ап. Павла)

Город задыхался! Шестьсот миллионов жителей, распластавшись в трех измерениях, искали глоток воздуха, в туманном смоге из углекислого газа, окиси свинца и мириадом капель углеводородов, распыленных наземным транспортом. Выйти в город без маски во время дождя, означало, тут же получить ожег легких. Город медленно сходил с ума от голода. Если, шести-стам миллионам дать по триста грамм хлеба в день, то получится, сто восемьдесят тысяч тонн хлеба. Взять его было негде. Планета превратилась в один громадный мегаполис, разделенный границами обрабатываемых полей и ферм гидропоники, фабриками искусственного белка и жалкими лесополосами, призванными давать хоть какой-то процент кислорода. Миллионы квадратных кубометров пространства и миллиарды тонн строительных сооружений составляли облик планеты ЗЕМЛЯ. Облик, под которым, самой земли невозможно было и рассмотреть. Нагромождения стали, бетона, стекла и углепластика, скрыли истинный лик планеты, как коро-ста скрывает старую язву.

Дмитрий Николаевич Бардин, или для большинства знакомых попросту Бард. Двадцати восьми лет от роду, кучерявый длинноволосый блондин, с правильным овалом лица, жесткой линией подбородка и выделенным очертанием скул, ответственный квартиросъёмщик, аж восьми квадратных метров жизненного пространства, в шикарной квартире на восемьдесят шестом этаже. Весьма решительное и даже жестко-волевое лицо, смягчалось высокой линией лба и ямочкой на подбородке, намекающей, на недюжинный ум и внутреннюю доброту владельца. В больших, серо-зеленых глазах светилась решительность врожденного упрямства, и отблескивали стальные искры тренированной воли. И на самом дне, этих широко открытых, по-детски удивленных глаз, затаилась серая тень, глубоко запрятанной печали. Сегодня Бард проснулся с дикой головной болью. Боль означала только одно – система фильтрации воздуха в купе с кондиционером, дала сбой. Уровень углекислого газа в квартире превышал три процента, со всеми вытекающими. Бард понимал, что превентивные меры, в виде про-

чистки фильтра или перепаивания схем, ощутимого эффекта не дадут. Надо покупать новую модель фильтра и кондиционирования. Однако денег на насущные нужды, как всегда не хватало. Впрочем, деньги были. Уж как ни как, а старший научный сотрудник института мирового пространства! Это постоянные двести кредитов в месяц плюс премиальные. Получалось не то чтобы совсем хорошо, а вовсе так и неплохо. Впрочем, денег на оплату квартиры вполне хватало, как и на необходимый минимум продуктового набора, состоящего из двух десятков пакетиков сублимированного планктона, трех пакетиков разрешенного алкоголя и четырнадцати брикетов сушеных водорослей, призванных заменить драгоценный и редко производимый табак. Оставались деньги на мелкие гигиенические нужды и туалетные принадлежности, на общественный транспорт и некоторые развлечения. Кроме того целых двадцать пять кредитов Бард ежемесячно откладывал на черный день. И сумма уже приближалась к полутора тысячам кредитов. Но это был неприкосновенный запас, который мог спасти его в трудное время, и вытащить в случае крайней необходимости их «Проект», как наивно полагал молодой ученый. А от реализации «Проекта», зависело все!

Сын простого рабочего и учительницы, Бард все в этой жизни постигал сам. И понятие просвещения пришло очень скоро. В этой жизни что-то значил лишь тот, кто что-то умел. Знания стали его ключевой программой. Перемежая посещение школьной, электронной библиотеки в заштатной школе с яростными драками во дворе, за отстаивание своего права, быть ботаником. Возвращаясь домой в кровавых соплях, Бард знал, что сегодня отвоевал у жизни еще кусок, который именовался «ЗНАНИЕ» Однако, знаний на сегодняшний день, катастрофически не хватало. Образование, которое, могла дать муниципальная бесплатная школа, даже начальным, назвать было трудно. Умение читать и знать основные арифметические действия были вершиной образовательного процесса. И только благодаря матери, которая составила для Барда индивидуальную программу обучения и неустанно занималась его образованием, Бард смог без особого труда поступить в колледж. Проявив недожиданные способности в электротехнике, он умудрился совмещать учебу с подработкой в частной телефонной компании и к концу обучения сумел скопить денег на первый год обучения в физтехе. Казалось бы, судьба улыбнулась ему, но как часто улыбка судьбы являет собой ее очередную гримасу. Жизнь шла, как и шла, по вроде бы накатанной колее, когда после выпускных экзаменов в физтехе произошло страшное. Бард в мельчайших деталях помнил эту картину. Вот он победителем возвращается с экзаменов, довольный и гордый, хорошо сделанной работой. А на первом уровне, его уже ожидает, исковерканный кусок металлопластика, все что осталось от кабины вертикального лифта. Тел родителей он так и не увидел, настолько плотно были перемешаны останки пассажиров и кабины. Ему что-то говорили врачи, прибывшие на место катастрофы. Какие-то дежурные фразы, произносили легионеры, стоявшие в оцеплении. Бард ничего не слышал и не воспринимал. Совершенно оглушенный, без единой мысли в голове он шагал по улицам первого уровня, распираемым вечно текущей толпой. Толпа, словно живой организм, как будто чувствовала его состояние и постепенно вокруг него, образовалось пустое пространство в несколько квадратных метров. Очнулся Бард в чужом квартале, когда уже включилось уличное освещение. Надо было возвращаться. Но он, даже теоретически не мог представить, что войдет в опустевшую квартиру, где каждая вещь, будет напоминать ему о родителях: будь то небрежно, впопыхах брошенный тюбик губной помады, или раздавленный в пепельнице окурок. Воздух, приобрел тяжелый металлический привкус.

"Сейчас пойдет дождь, надо укрыться", отрешенно подумал Бард. Но куда-то бежать или, что-то делать не было ни сил, ни желания. Он не заметил, как около него бесшумно опустилась спецмашина легиона. Двое легионеров быстро втолкнули его в отделение для задержанных, и бесцеремонно обыскав, забрали личную карточку. Через несколько минут, после идентификации его личности, машина опустилась на парковочный узел восьмидесятого этажа его небоскреба. Сопровождаемый, легионером и врачом патрульной машины, Бард был доставлен

в свою, теперь пустую квартиру. Врач сделал ему инъекцию, легионер выложил на стол личную карточку и изъятые при обыске мелочи, после чего, он остался один на один с опустевшей квартирой. Наверное, он сошел бы с ума, но врач, хорошо знал свое дело. Бард очнулся утром, лежа на полу посреди кухни. Преодолевая вялость, вызванную инъекцией, он начал уборку. Все вещи родителей, были безжалостно отправлены в утилизатор. Исключение было сделано, только для электронной рамки с семейным альбомом. Но, и ее Бард, спрятал в стенном шкафу, на самой дальней полке. Жизнь продолжалась, и надо было учиться жить заново. Платежные карты родителей, несмотря на режим строжайшей экономии, опустели быстро. Подработка в телефонной компании, давала деньги на жизнь, но не на обучение. Год подходил к концу, когда ребром встал вопрос об оплате второго года учебы. Положение было безвыходным, и Бард откровенно рассказал о своих проблемах преподавателю физики Исаку Ароновичу, ведущему их курс. На следующий день, ему пришло приглашение посетить, отдел персонала Корпорации «Перспектива». Дальше оказалось проще. На талантливого студента, обратили внимание менеджеры по персоналу, которые словно крысы, снующие среди отбросов, выбирали из серой студенческой массы самые лакомые кусочки, для своих хозяев. С открытием Эдема «Перспектива» разбогатела, ее значимость в жизни планеты возросла настолько, что по уровню влияния, сравнялась с основными институтами власти. При этом значительные финансовые ресурсы, позволяли ей осуществлять многие решения, без уведомления, или даже в обход этой самой власти. Постепенно слово «Перспектива» исчезло из обиходного лексикона, и она стала именоваться просто, «КОРПОРАЦИЯ». Бард получил должность лаборанта, в отделе исследований электродинамики, затем, еще до окончания обучения, стал заместителем начальника отдела, а по окончании физтеха, возглавил весь отдел. Проблемы, связанные с оплатой обучения пропали сами собой. Четыре часа в день, которые Бард, в соответствии с контрактом, должен был отрабатывать на Корпорацию, представляли весьма неплохой доход, да и финансовая поддержка Грина, не навязчиво, но своевременно предлагавшего не достающие до оплаты обучения суммы, оказалась весьма и весьма неплохим подспорьем. Попытки представителей Корпорации, загнать Барда в рамки узкой специализации электродинамики, оказались провальными. Имея в своем распоряжении университетскую библиотеку и доступ ко всем научным материалам института мирового пространства, Бард с жадностью накинута на появившуюся возможность увеличить свой багаж знаний. Он с удовольствием постигал химию и не обязательную по программе тригонометрию, биофизику и астрономию, а открытие магии высшей математики, сделало его универсалом в научной работе. К этому времени в его голове и зародилась идея создания генератора торсионного поля. Толчком в этой идее послужили работы известного астрофизика Дин эль Аддинда ибн Фатиха, об анизотропности мирового пространства. Пытаясь объяснить искривление пространства в полях высокой гравитации Дин эль Аддинд предположил, что физический вакуум это не ничто, а нечто. Нечто материальное, существующее в виде, какого то пока не исследованного поля. Ибо ничто, не могло искривляться, под воздействием чего бы то ни было. И несмотря на то, что весь научный мир обрушился на ученого с критикой, обвиняя в попытках возродить, давно развенчанные и позабытые идеи эфирного пространства, Барду идеи астрофизика понравились. А после произведенных расчетов и правок, наиболее слабых, с его точки зрения мест, теория торсионного поля приобрела стройность и математическое обоснование. Ну а если есть поле, то его можно и сгенерировать. По замыслу Барда, управляя торсионным полем, можно было изменять и искривлять в необходимой степени мировое пространство. А свободное искривление мирового пространства, давало возможность перемещения в нем материальных предметов, с минимальными скоростями, на максимальные расстояния. Изложив свои идеи научному руководству Корпорации, Бард добился, чтобы работы над торсионным генератором, его разработка и создание, были поручены, возглавляемому им отделу. Но практическая реализация проекта, пробуксовывала уже четыре года. Торсионное кольцо поля, образуемое под воздействием

электромагнитных полей, слитое в единый конгломерат с гравитационными конусами, вело себя как капризная девчонка. То, образуясь, то распадаясь с мощнейшим выбросом энергии, кольцо жило по своим собственным, только одному ему известным законам и закономерностям. Создать на этой основе, какую-либо устойчивую конструкцию, казалось немислимым. Бард бился над этой проблемой уже год и видимого конца исследований в ближайшей перспективе не усматривал.

Торсионный генератор, ни в какую, не хотел работать стабильно. Казалось, что в тончайшие расчеты, вмешивается некая неподвластная ему сила, которая и вызывает непредвиденные флюктуации, в работе четко физически выверенного, технически исправного устройства, именуемого в просторечии, фазовым асинхронным порталом.

– Ну, что, что не так? Чего тебе еще не хватает? Бард смотрел на схему, терзал ум и не находил ответа. Две таблетки обезболивающего, глоток чистого кислорода и витаминная смесь в желтом драже, сделали свое дело. Боль ушла, и вернулось четкое понимание стоящей перед ним задачи. Сосредоточившись на расчетах, Бард вычленил неоправданно низкий коэффициент корреляции и ввел новую формулу конгруэнтности. Получалось красиво, но к чему это приведет, он не знал. Компьютерная расшифровка запаздывала, но схема уже работала и работала стабильно. Всплески флюктуаций умили свои скачки и приближались к почти идеальной прямой.

Не к месту прозвучал сигнал видео вызова. Бард, небрежным жестом включил коммуникатор и услышал дребезжащий голос начальника отдела видеоконтроля. Поздравляю, наконец-то вы решили эту задачу, можете себе добавить двадцать кредитов к ежемесячной выплате, усмехнулось гладко выбритое лицо на экране коммуникатора.

– Двадцать кредитов! Да подавись ты ими. Я знаю, сколько это стоит, – подумал Бард.

– Это стоит, ровно двадцать пять миллиардов человеческих жизней. Жизней упакованных в сталь и бетон. Жизней закатанных в углепластик и перемешанных в трехмерном пространстве. Жизней со всеми их чувствами и переживаниями, с горем, радостью, любовью и ненавистью со всем, тем, что называется душой. И эти жизни оценили в двадцать кредитов. – Ну, нет, так не будет! Бард нажал и тут же отпустил кнопку видео коммуникатора. – Идиот, ведь тебе только что показали, что квартира под полным контролем», – подумал он. – Нет, так нельзя. Обычные, в том числе вербальные способы общения с бойцами «Сопrotивления» были исключены.

Сопrotивление

*Человек должен погрузиться в кипящие тучины
общественного бытия, а этого можно добиться
лишь подставив себя на службу обществу,
находящемуся в движении и борьбе*

(Р. Ролан)

О «Сопrotивлении» – военно-политической жестко законспирированной организации, существующей на непонятно какие средства, Бард знал давно. Да и трудно бы было не знать, когда на неё, вешали всех чертей этого мира, подконтрольные правительству средства массовой информации. Случись техногенная авария, стихийное бедствие, или несчастный случай – виновато сопротивление. Во всех нераскрытых преступлениях, во всех экономических катаклизмах и во всех бедах этого мира, виновник был один, как и одним был общий враг, всего прогрессивного человечества. И именовался этот общий враг – «Сопrotивление». О нем вещало телевидение, это было главной темой на всех сетевых порталах, это словно железные скобы вбивалось в головы людей с рождения и до смерти, всеми возможными и невозможными способами на любом уровне. И надо заметить, жесткий диктат мирового правительства давал свои результаты. Сопrotивление было хоть и хорошо организованной, но весьма малочисленной и маловлиятельной группой, выступающей за запрет тотального контроля над личностью, за экономическое и социальное равенство между людьми. В программе Сопrotивления были и другие, большей частью, с точки зрения Барда, правильные направления, но более всего его привлекал тезис, о расселении части человечества на доступных космических объектах, для снижения демографического давления на Землю.

С Сопrotивлением, Бард столкнулся, как он считал, совершенно случайно. Во время одной из студенческих вечеринок, как обычно пришлось доказывать свое право, быть не таким как все, в банальном кулачном бою. Однако силы, как в прочем и в большинстве других случаев оказались не равными. Четыре бугая с факультета физической культуры, против одного физически развитого и крепкого, но достаточно легкого противника. Несмотря на то, что после седьмого класса Бард сознательно начал изучать боевые искусства и уделял тренировкам не менее часа в сутки, для громил из физкульты, он представлял весьма легкую добычу. Поединок был проигран, еще не начавшись. Но, внезапно в ситуацию, вмешалась некая третья сила. Сублильный юноша с факультета прикладной механики, по прозвищу «Грин – очкарик», неожиданно пришел на помощь.

– Ребята, а не пошли бы вы, туда, откуда на белый свет появились, – заявил он, загородив своим не слишком внушительным телом уже изрядно потрепанного Дмитрия. Четверо качков, взхлеб заржали. «Уйди дефективный, а то помнем». Грин аккуратно снял очки и, положив их во внутренний карман куртки, остался на месте. Дальнейшее Бард с изумлением созерцал, своим единственным не заплывшим глазом. Тактика амбалов была давно и всем известна. Один, как правило, бросался в ноги, лишая жертву возможности двигаться, остальные тут же обрушивали на противника град ударов. Учитывая, что любой качок из физкульты весил как минимум под девяносто, исход схватки был предрешен. Хватало одного двух ударов, чтоб противник потерял сознание. Прием конечно не эффективный, но весьма эффективный. Однако сегодня, он не сработал. Грин, сделал пол шага назад, и когда качок рухнул мордой в пол, загребая руками пустоту, нанес один, вроде бы и не сильный удар ногой в затылок. Трое остальных не в силах остановить стартовый рывок встретились поочередно с ногой, рукой и локтем, очкарика Грина. Бой был закончен в двадцать секунд. Грин, подошел к Барду и ровным голосом, предложил выйти пообщаться. – Надо же, – ошеломленно подумал Дмитрий, –

даже дыхание не сбилось. Грин ждал. Бард, пошатываясь, шагнул к выходу, опершись на твердую руку Грина, подхватившего его под локоть.

– Ты с ними не связывайся, – сказал Грин. – Они специально девчат подговаривают, на их вечеринку пару умников пригласить, чтобы показать, кто хозяин жизни.

– А я и не связывался, – ответил Дмитрий, – я из – за Анюты...». Бард осекся, поняв, что Грин, уже все сказал за него.

– Ага, просёк, – удовлетворенно усмехнулся Грин.

Так потихоньку завязался разговор. Только позже, Бард осознал, что Грин, вел себя с ним, предельно корректно и вежливо, стараясь предупреждать его вопросы и отвечать на незадачные. Если бы Бард мог наблюдать со стороны, то сразу бы понял, что Грин незаурядный психолог и воспитатель, каковой, в прочем, и была его основная функция в Соппротивлении. Сейчас же Барда больше удивляли и восхищали бойцовские качества обретенного друга. Они сдружились, и Грин, начал ненавязчиво предлагать свою помощь в самых разных житейских вопросах, делая все, чтобы Бард мог спокойно учиться.

Не имея больших финансовых ресурсов, существуя, за счет символических членских взносов, и пожертвований немногочисленных спонсоров, Соппротивление вынуждено было, заменить количество качеством. И стоило на горизонте появиться неординарной личности, как тут же, вроде бы случайно, рядом оказывался один из психологов Соппротивления. Старались подобрать людей, одного пола и возраста, которые и сами по себе были, неординарными личностями.

Ничего этого Бард не знал. Он просто, свято верил в их дружбу с Грином. Известие, что Грин, боец Соппротивления, Бард принял совершенно спокойно. А предложенную им идею уменьшения демографической нагрузки на планету, путем переселения на другую планету, воспринял всем сердцем. И как человек целеустремленный, не стал откладывать в долгий ящик. Именно тогда и началась целевая работа, по созданию генератора. Грин же, со свойственным ему тактом и пониманием ситуации, никогда не предлагал Барду, стать активным членом Соппротивления. Отлично осознавая, что Бард творческая личность и строжайшая иерархия, дисциплина и конспирация Соппротивления, задушат в нем зародыш будущего, может быть даже великого ученого. Поэтому Грин, приложил максимум усилий, чтобы доказать на совете Соппротивления, необходимость финансовой и физической опеки Барда. Пусть не учтенного, но в недалеком будущем, весьма полезного их делу, члена Соппротивления. По-простому, Бард нравился Грину, как свободомыслящий, честный и порядочный человек. Грин, как психолог, уже сейчас, видел зачатки его будущей гениальности. Зарождение мощной и доброй силы, большого ученого, в пока еще не оформившейся, но уже почувствовавшей свою значимость, личности Барда.

Грин

*Умереть за друга при каких-нибудь
исключительных обстоятельствах
менее возвышенно, чем ежедневно
и втайне жертвовать собой ради него.*

(Стендаль)

Второй сын бывшего пэра Англии Грехард Гриден Джойс, в просторечии Грин, с детства слыл своевольным юношей. Его отец, Гриден старший, со стойкостью истинного лорда, перенес и Последнюю войну, и крах Великобритании, как государства и лишение наследственного, земельного майората. Из активов остались только семейные драгоценности и личная собственность в размере ста акров на мысе Тотленд острова Уайт в районе Ньюпорта. Из бывших земель и поместий семейства Грехардов, эта собственность представляла едва одну тысячную часть. Однако доход от ренты, даже этой малости, представлял собой, весьма и весьма значительный капитал. По прежним временам лорд Грехард, мог считать себя нищим. Но в настоящее время, владелец сорока с половиной гектар земли, считался если не самым состоятельным, то уж точно входившим в сотню богатейших жителей планеты. Между тем, сэр Грехард старший, не принимал новый порядок. Он категорически отказался от борьбы за должность в Мировом Совете. А позже, стал одним из родоначальников и основателей Сопротивления. И дело вовсе не в том, что он чувствовал себя обиженным после развала устоявшегося представления об Англии, как об одном из ведущих политических центров мира. А в том, что он не мог принять новый порядок, сводящий большинство разумных жителей этой планеты на уровень мыслящего планктона. Первый, старший сын Грэхарда, Уильям, был для него навсегда потерян, когда согласился занять пост помощника министра охраны правопорядка, а по сути старшего комендант – командора Легиона Смерти, призванного защищать планету от внепланового перенаселения. Об этом, пожалуй, надо поподробнее.

Легион Смерти, создавался как естественный регулятор перенаселенности планеты. И если 120 летний возраст, был гарантирован правительством, как необходимый минимум страдания человеческой особи, то превышение этого возраста, приравнивалось к государственному преступлению. Здесь надо оговориться, что конституцией предусматривалось превышение этого возраста, для лиц особо ценных в историческом, экономическом и культурном эгрегоре, развития цивилизации. Кто являлся такими лицами догадаться не трудно. Беднейшая и самая неустроенная в социальном плане часть населения, благодаря четкой системе регистрации и учета, дожив до 120 лет, сама обязана была явиться, на «Пункты Приятной Смерти». В большинстве своем люди, не то чтобы неохотно, а как ни странно с большой радостью, шли, прекращать свое безрадостное существование в этом мире. Дело в том, что правящей элитой общества, был придуман психологический трюк, заставлявший людей буквально по дням считать срок до вожделенного сто двадцатилетия. Каждый прибывший на пункт легкой смерти был уверен, что согласно букве закона, ему гарантированы три месяца беззаботной, поистине сказочной жизни на одном из живописных островов тихого океана. Там он будет обеспечен всеми благами цивилизации и фантазиями развращенного ею же ума, совершенно бесплатно, после чего, в один из дней, во время сна, ему будет сделана смертельная инъекция наркотика. И покинет он этот мир, в сладких грезах сновидений, совершенно безболезненно и незаметно. Именно такова была официальная версия. На практике, девяносто процентов пневмо капсул с живым грузом, снаряжались соответствующим количеством наркотического газа, который и поступал в кабину капсулы во время транспортировки. Ограниченная в ресурсах и материальных благах Земля, не могла позволить себе расточительное трехмесячное транжирство, на тех, кто подле-

жал переработке. Для поддержания правдоподобности официальных штампов. Одна из десяти капсул все – таки прибывала на место назначения с живыми пассажирами. Они давали интервью средствам массовой информации, выкладывали свои восторги в сети, делились впечатлениями на видеопроектах, проводимых в режиме онлайн. Однако сквозь тысячи барьеров и контрольных пунктов, во многом благодаря Сопропротивлению, просачивалась информация о фактическом положении дел. И едва ли не половина населения, всячески уклонялась от своевременного посещения Пунктов Приятной Смерти.

Вот здесь и вступал в действие Легион Смерти. Вооруженный до зубов, великолепно подготовленный в физическом и тактическом плане корпус, не отягченных моралью, подчиненных железной дисциплине бойцов. Он, как сторожевой пес неустанно рыскал по нижним уровням мегаполиса, вылавливая уклонистов. Брать их живыми, не полагалось. За легионом, как стая шакалов за тигром двигался целый автопоезд труповозок. Машин, каждая из которых, представляла собой передвижной комбинат для переработки органического сырья. Забрасывавшиеся в бункер мертвые и тяжелораненые, тут же обрабатывались кислотой, а на следующем этапе, бурлящая полужидкая масса человеческих останков, после химической реакции восстановления и сушки, превращалась в питательное органическое удобрение, за которое, владельцы плантаций и ферм гидропоники, готовы были платить хорошие деньги. Удобрения принимались по весу, а вырученные за них кредиты шли на оплату премиальных легионером. Помощником министра и большим босом, на этой фабрике смерти и «посчастливилось» стать старшему брату Грина, Уильяму.

Грину, в прежнее время, уготован был путь офицера флота ея королевского величества, но вступить на этот путь, по известным обстоятельствам он не успел и отец стал готовить его, к работе в Сопропротивлении. Разница в возрасте между старшим и младшим братом составляла 17 лет и общение между ними, благодаря усилиям отца, было сведено к минимуму. Между тем, Грин окончил платную школу для одаренных детей. Проявленный им интерес к медицине и изучению скрытых резервов человеческого организма, заставил отца оплатить обучение на факультете психологии и психиатрии, в лучшем на планете мединституте. Так же пришлось нанять учителей боевых искусств, настоящих профессионалов боя. Несмотря на свой возраст и отнюдь не среднестатистические физические данные, Грин в свои тридцать восемь, смотрелся, гораздо моложе, носил старомодные очки и выглядел худощавым субтильным юношей лет двадцати, двадцати пяти. Имея неподдельный интерес к наукам, Грин, окончив медицинский и будучи уже на службе Сопропротивления, ничуть не противился новому заданию – стать одним из студентов физтеха, найти и вступить в контакт с наиболее талантливыми и трудолюбивыми студентами. Так в поле зрения Грина, попал Бард. Открытие Эдема, породило бурю во всех слоях общества. Оно же, дало надежду на лучшее будущее миллиардам людей. И Сопропротивление, не могло остаться в стороне от этого эпохального события. Тем более, что сразу стало понятно, правящая элита не позволит дотронуться до этого лакомого кусочка никому, кроме себя. Обрушенная на обывателя лавина информации, о якобы предстоящем переселении огромной части человечества в этот космический рай, призвана была отвлечь внимание от злободневных проблем и обеспечить максимально возможную, лояльность населения к власти. Хотя бы, на время строительства межзвездного транспорта, способного переместить значительные людские ресурсы в пространстве, на несколько световых лет.

Однако, транспорта не было, как не было и планов переместить значительную часть человечества в звездный рай. Была небольшая группа людей численностью около трехсот тысяч человек и их обслуживающий персонал, еще три миллиона человек, которые по замыслу элиты, должны были унаследовать звездный рай. Но транспорт для переселения даже этого весьма ограниченного, по земным меркам количества людей, создан пока не был. Вплотную к решению этой проблемы подошел Дмитрий Бардин, или Бард сотрудник отдела Электродинамики, Института Мирового Пространства. Лучший друг Грина и как сказал на одном из советов сам

Грин, – Язык не поворачивается назвать его своим подопечным. Вместе с тем, как бы этого не хотелось Грину, но это было именно так. Под невинным предлогом защиты справедливости, Грин вмешался в конфликт Барда с качками из физкульта, подружился с ним и, выражаясь профессиональным языком офицера разведки Соппротивления, стал его вести. Вместе с тем Грин как профессиональный психолог отчетливо понимал, что Бард ему попросту нравился. Нравился, как порядочный и честный человек. Вызывал уважение своей внутренней силой. Восхищал чистотой светлой, доброй, но по-детски наивной души. И был, почитаем им, как талантливый ученый. Грин, всегда проверявший себя с помощью уникального метода самоанализа, разработанного им же, и неоднократно проверенного на себе и других вдруг понял, что не может относиться к Барду, как к ведомому. Пусть хорошему, пусть умному, пусть попросту приятному парню, но не другу, не товарищу, а ведомому. Душа Грина отказывалась принимать, суровую простоту такой логики. Он хотел видеть в Барде друга, которого у него никогда не было. Которого, он не мог найти даже в своем брате. Мог ли допустить Грин, что все это предвидел и рассчитал, еще до их знакомства с Бардом, его отец, создатель и неофициальный руководитель Соппротивления.

Однако, сам Грин поступил, как он считал, по собственной воле, в соответствии со своим известным только ему кодексом чести. Презрев Устав соппротивления, все инструкции и указания по строжайшей конспирации их деятельности, Грин поведал Барду правду, не утаив и того, что он, Бард был ведомым. Реакция Барда, оказалась неожиданной для Грина. Он рассмеялся еще в начале его «исповеди».

– Грин – дружище! Да не жели я совсем без мозгов? Неужели ты, думаешь, что после первой нашей встречи, я не просчитал ситуацию? Да давно просчитал, и поверь мне, очень аккуратно навел справки. И о тебе, и о твоём отце, и о Соппротивлении». Более того, я полагаю, что ты даже не представляешь, какой умница твой отец, и уж наверняка не знаешь, что в данном случае, ведомых двое, ты и я. Советую, поговори с отцом и расскажи все, без утайки, даже этот наш разговор, расскажи.

Грин первый раз в жизни не стал раздумывать. Он пришел к Джойсу Гридону и откровенно рассказал обо всем. В том числе и о своем, полном презрении устава и предписаний Соппротивления. Джойс, прореагировал абсолютно спокойно и сказал:

– Я рад за твоего друга. Раз он сумел вычислить меня, значит, в плане безопасности, тебе ничего не угрожает. Но кто бы мог предвидеть, столь острый ум, в столь неискушённой и юной голове.

– Тем не менее, это так, и мне придется серьезно подумать, кому передать управление Соппротивлением, когда придет мой час! Но, сын мой... Уже сейчас можно сказать, с большой долей вероятности что, вряд ли это будешь ты. Прости, но ты был со мной откровенен, буду и я. Твой друг, судя по всему – уникам, раз, он сумел просчитать меня... В общем, надеюсь, ты меня понял».

Грин понял, и после этого, стал относиться к Барду, если не как к старшему, то уж во всяком случае, как к более одаренному другу.

Подземка

Если вы идете сквозь ад
не останавливайтесь.

(Уинстон Черчилль)

«Идиот, ведь тебе только что показали, что квартира под полным контролем...» Бард отдернул руку от коммуникатора, медленно и тщательно скрутил себе сигарету из никотино содержащих водорослей и закурил. «Не спешить билась в мозгу мысль, не спеши, сделай, что ни – будь простое. Почеши в затылке, вырви несуществующий волосок из подбородка, пусть камеры зафиксируют, что ты занимаешься обыденными делами, что ты и не подозреваешь, как обычное большинство граждан, о повседневной, ежеминутной и ежесекундной слежке».

Пятнадцать минут пустого времени. Бард физически чувствовал распирающее его желание действовать. Однако действовать было нельзя. Скрупулёзно собирая информацию, о «Легионе Смерти», о силах контроля над населением, и других фискальных органах, Бард знал, что подозрительная информация контролируется пятнадцать минут, а храниться более полугода. Его непровольное движение руки в сторону коммуникатора можно было расценивать по-разному. Бард предпочитал расценивать его как потенциально подозрительное, поэтому стоило переждать двадцать минут. Сигарета догорела. Бард неторопливо поднялся, тщательно завязал галстук и шагнул в коридор, служивший одновременно кабиной вертикального лифта. После упразднения подземки, или метро, остались только горизонтальные и вертикальные лифты, вместительностью от 2-х до 32-х человек. Поскольку лифт был не элитной зоны, то вместительность и комфорт, соответствовала статусу 32 человека. То есть, как селедки в банке. Людей в лифте набралось от силы семь человек, что вполне устраивало Барда. Одевшись как для шикарного ресторана, Бард готовился посетить «Мозголомку» – бар для людей с уровнем достатка ниже среднего, и интеллектом еще ниже оного. Бард, ненавидел этот бар. Постоянно работающий стробоскоп под звуки мелодии типа, бум, бум – бум, бум буму бум, призванные раздражать мозжечок и влиять на самые низкие слои сознания, вызывали у него

тупую, давящую головную боль. Но бар, был необходим. Замаскированное под колокольчик вызова бармена, связанное устройство, обеспечивало надежность встречи в одном заброшенном коридоре подземки. Неизвестное никому, кроме профессиональных диггеров помещение, давало хоть какую-то гарантию конфиденциальности. И несмотря на все потуги власти. Взять под контроль, перемещение людей на уровнях ниже нулевого, оказалось невозможно.

Диггеры, были особой кастой в новом мире. Они специализировались на проводке всех желающих в нижние уровни. Был уровень ноль, был минус один, и так далее. Последним уровнем, где могли появляться люди, считался уровень минус три. Цивилизация развиваясь, периодически закапывалась под землю, создавая себе более или менее спокойные зоны существования. Уровень минус три, относился к формации протоцивилизаций, предшествующих техническому прогрессу. Уровень минус два, был отнесен к середине XX века, когда началось плановое строительство метро во всех Евро – Азиатских странах. Уровень минус один, населённый изгоями, был относительно новым, когда строительство метро, в 21 веке, стало делом обыденным и масштабным. Соответственно и уровень опасности увеличивался с возрастанием темпорального интервала. Допустим, на уровень минус один, можно было сходить и без диггера. Тогда шансы вернуться считались примерно 50 на 50. А вот на уровень минус два, без диггера мог сунуться, только самоубийца.

Надо сказать, что диггерам было абсолютно все равно, кого вести. Будь ты правительственный агент, или боец Сопротивления, за голову которого назначена огромная сумма кредитов, тарифная ставка была одинакова – 50 кредитов за уровень. При этом, диггеры не несли никакой ответственности, и не давали никаких гарантий, в том, что ты выйдешь живым, с любого уровня. Правящая элита, ничего не могла с этим поделать. Хватало забот обо всех живущих до нулевого уровня, чтоб думать о мутировавших гомункулусах нижних горизонтов.

А живущих было много. Почти треть населения проживала, начиная с нулевого уровня и ниже. Нулевой, считался официальным. Все живущие в нем, имели право на гражданство, а значит, и на субсидии правительства. А конкретно, на бесплатную, дрожжевую похлёбку раз в сутки. Других субсидий не предусматривалось.

Кроме людей, на нижних уровнях прижилось масса мутировавших тварей, от Крыс и псов до Слешей. Крысы, были размером с крупную собаку, а собаки вырастали до полутора метров в холке и отличались повышенной агрессивностью. Такое стало возможным после получения теми и другими лучевых ударов в момент «Ч», а Слеши стали производным от (*Chionex fieckeri*) Морской осы или кубической медузы. Как она попала в подземку, как мутировала и приспособилась к жизни не в воде, а в перенасыщенном влагой воздухе, как стала самой смертоносной тварью подземелий, до сих пор остаётся научной загадкой. Но кроме этих, известных хищников, в подземке оставалась ещё масса опасностей, знали о которых только диггеры.

Бард, добравшись до Мозголомки, ударил три раза по звонку вызова бармена. В ту же секунду на пульт Сопротивления пришёл вызов. Грин через 80 минут обязан был прибыть на минус второй уровень, в катакомбу 15 бис. Вместо бармена подошёл Коста или Константин Степанович Краюхов. Коста был диггером с пятилетним стажем, а значит очень опытный. Диггеры с трёхлетним стажем считались безопасными. Диггеров с пятилетним стажем, можно было пересчитать по пальцам. Диггером с восьмилетним стажем, был только Феликс, он и управлял анклавом диггеров.

Коста подошёл к Барду и, приняв сто кредитную купюру обыденно спросил: «Номер?» Бард ответил: «Два дробь пятнадцать бис». «За мной», – скомандовал Коста, или полу бранный, как его называли за глаза. Коста, брил только правую сторону лица и никогда, левую. – Почему? – как то спросил Бард. – Слеши, – коротко ответил Коста и пояснил. – Щупальца Слешей человек не чувствует, они как паутина. Но ощупывая жертву, Слеш почему – то предпочитает гладкую кожу. Соответственно и нападают с гладкой стороны. Оружие у меня в правой руке и слеш нападает справа, стрелять удобней. Обычно Слеш, секунды за две до напа-

дения активирует систему кровообращения, и становится видимым. Если к тому же знать, откуда он нападёт, то успеваешь применить оружие. Коста был не многословен. Вот и сейчас он сунул Барду в руки две свето-шумовых гранаты старинный пистолет с запасной обоймой и электрошокер. – Пошли, – буднично сказал Коста. И шагнул в открытое нутро вертикального лифта. Бард, сглотнув тугую слюну, шагнул следом и, несмотря на внутреннюю готовность, почувствовал неприятную дрожь.

– Плывёшь? – спросил Коста.

– Есть немного, – честно признал Бард.

– Это хорошо, – ответил Коста. – С героями я даже на минус один не хожу. Дохнут как мухи Дрозофилы. Считают, что они цари зверей и высшая раса. Кто боится, выживет – кто нет, помрёт, – резюмировал Коста. Ты боишься, я, пойду. Они шагнули в горизонтальный лифт, который и лифтом то не был. Просто горизонтальный проход с уклоном в сорок градусов.

– Спокойно, – сказал Коста. – Стрелять, сам знаешь, когда меня нет. Вот он, минус второй. Проход под небольшим уклоном, плавно переходил в туннель. Справа вспыхивает вязь буро – красного кровососущего узора. Тело реагирует раньше, чем мозг оценивает ситуацию. Сам собой бьет отдачей в ладонь пистолет. БАМ, БАМ, Коста даже не оглядывается. Это твоя работа, делай её сам. Спуск продолжается. Коста спокойно снимает АКМ с плеча и даёт очередь, вроде бы в никуда. Тьма вспарывается визгами и лаем взхлэб. Еще несколько шагов, и выстрелом в голову, Коста добивает, визжащего пса. Вплотную скомандовал Коста и Бард, понял, что сегодняшний поход, не из обычных. *Их ждали!* И твари подземелья действовали так, как будто получили приказ. «Ты засветился парень», – крикнул Коста, отражая очередную атаку. Бард и сам это понял и только думал, где и как он совершил промашку. На ум ничего не приходило, и только вспышки пистолетных выстрелов и хлесткие очереди АКМ вспарывали подземную мглу. Впрочем, во второй обойме осталось еще два патрона, когда Коста дёрнул дверь 15 бис.

– Бард, дружище, ты засветился, – вместо приветствия, сказал Грин.

– Знаю, – коротко буркнул Бард. В Мозголомке, не выдержал паузу в 15 минут.

– Уже просчитал, завистливо проворчал Грин.

– А наши оперативники до сих пор, голову ломают, где ты прокололся.

– Хвост за тобой действительно от Мозголомки, но уже все, мир праху его.

Бард побледнел.

– Грин мы же договаривались!

– Да мы – то тут при чем? – Грин нервно передёрнул плечами.

– Этот идиот, из филлеров Легиона сунулся, за вами на минус второй, а его друзья, по полученной от него информации, за пять минут до вашего появления подкинули туда акустический блок, создающий шум города, вот твари и собрались.

Да, правительство не могло контролировать минус второй уровень. Слишком дорого это обошлось бы, для истощённой планеты. Первые годы после часа «Ч» когда и мутантов было поменьше, да и население еще не приспособилось использовать подземку, в своих целях, попытались взять часть тоннелей под видеоконтроль. Однако высокий уровень радиации сводил на нет работу любых электронных средств слежения. А неоправданно высокий процент гибели легионеров и монтажников, при замене оборудования, заставил правительство, откататься от планов контроля, минус второго уровня. Радиация с тех времён, почти сошла на нет. Однако, находиться в подземке более 3-х часов, означало получить приличную дозу, не способствующую, мягко говоря, укреплению здоровья.

Кроме того, постоянные посещения нижних уровней приводили к накоплению радиации в организме, что неизменно приводило к необходимости обращаться в лечебные учреждения. Власти даже не спрашивали, где человек мог схватить такую дозу. Тут и так все было понятно. Сразу после излечения, пациентов направляли на принудительные работы в Каран-

тины. Последние с успехом заменили и Немецкие Концлагеря, и Русские Зоны и Американские Резервации. При этом срок пребывания в Карантине, с полным поражением в гражданских правах был, прямо пропорционален количеству кредитов затраченных правительством на лечение. После выхода из карантина, человек отправлялся на нулевой уровень, где милостивое правительство предоставляло ему, ячейку на четыре квадратных метра, в одном из рабочих блоков. Понятно, что все блага, которые до этого человек приобрёл, считались добытыми противозаконно и изымались в пользу власти.

Все это знали, поэтому посещение подземки пытались сократить до минимума. Десять минут, будничным тоном сказал Коста и вышел в соседнее помещение бункера, плотно прикрыв бронированную дверь.

– Мы потеряли канал связи, через Мозголомку. – Шестой канал за год, – констатировал Грин.

– Создано, опять же за год, два новых. И, если такими темпами пойдём дальше, то в следующем году останемся без связи.

– Не важно, ответил Бард.

Грин от возмущения, чуть было не подпрыгнул, однако сдержался. Действительно, откуда Барду было знать, что означало, создать новый засекреченный канал связи. Значило, в знаках человеческих жизней, в знаках проваленных ячеек, в знаках здоровья бойцов Сопротивления. Знать этого Бард не мог, да, по большому счету и не должен был.

– Надеюсь, твоя информация того стоит? – буркнул Грин.

– Я сделал генератор, – просто сказал Бард, – и он работает!

Грин на непозволительно долгие десять секунд, потерял дар речи. Впрочем, и последующие две минуты были растрчены на неинформативные междометия и фразы.

– Ты?

– Генератор!

– Работает!

– Вот черт!

Грин был в курсе работ Барда. Более того, именно на его работах, строились как тактические, так и стратегические планы Сопротивления.

– А наверху?

– Ах да.

– Ну, конечно же!

– Прости это так неожиданно, просто выбивает из колеи.

Грин не мог поверить, что это уже произошло. Он, конечно, знал что рано или поздно, Бард решит эту задачу. Он верил в своего друга. Но не ожидал, что это произойдёт так просто и буднично в очередную встречу в подземке.

Выждав необходимое для осознания Грином происшедшего время, Бард продолжил. – Нужен новый способ связи. Нужны люди. Два надёжных человека, с высшим образованием. Два боевика, желательнее тоже с высшим. Двадцать шесть человек, технически грамотных и тоже из Сопротивления, лучше с техническим образованием. И нужны они в течение десяти дней.

– Где их взять? – возмутился Грин. Я не царь и не бог.

– Не перебивай, – жестом остановил его Бард, – время! Обратись к отцу, он поможет.

Кроме того, необходимо сделать так, чтоб они тремя следующими рейсами попали на «Вавилонскую башню».

Грин затряс головой, количество информации, равно как и количество требований Барда зашкаливало. Ставящиеся задачи казались неразрешимы. Сроки, нереальны.

– Почему тремя следующими? Почему на «Вавилонскую башню»? – спросил он.

«Вавилонская башня», была гордостью человечества. Шедевром научной и инженерной мысли. Космическая станция тридцати километров в диаметре при тридцатикилометровой ширине и трех километровой толщине кольца, построенная на стационарной, геоцентрической орбите на высоте 22 000 километров, над Землей, вращаясь вокруг своего геометрического центра, обеспечивала Земную гравитацию по внешней жилой зоне кольца. Она видна была как яркая звезда, невооруженным глазом и находилась неизменно в одном месте звездного небосклона, над бывшей столицей Китая – Пекином. Во избежание национальных и расовых предрассудков, город назвали Евразией-1. Были так же и Евразия-2 и Евразия-3, на месте бывших столиц континента, Москвы и Лондона. Самой малочисленной считалась Евразия – 3, занимавшая всю полузатопленную территорию Британских островов, едва уцелевших после часа «Ч», на которых и происходили описываемые события.

До обнаружения Эдема, представители крупнейших семейных кланов планеты, приняли совместное решение, о строительстве этой станции. Понимая, что рано или поздно, земля будет полностью истощена и не сможет содержать остатки человеческой расы, они замыслили проект, «Вавилонская башня». Начиная строительство и выводя на орбиту, все новые и новые многотонные блоки будущей станции, они отлично понимали, что всем, даже самым богатым представителям земной расы, на ней не разместиться. Это означало, только одно. Будет еще одна, самая страшная и всепокрушающая война, победившие в которой, и займут почетные места, в этой космической VIP ложе.

Поэтому «Вавилонская башня» строилась не как исследовательская станция, а как комфортабельный космический курорт, для богатейших людей планеты. Однако после открытия Эдема, статус Вавилонской Башни поменялся. Поэтому сейчас станция представляла собой конгломерат, роскошных апартаментов, скромных жилищ обслуживающего персонала и научных лабораторий. Демонтировать бассейны, парки, оранжереи, зоны отдыха и теннисные корты никто не стал. Просто на их территории, стали как грибы после дождя вырастать, легкие сборные пятиэтажки, для работников станции. Четыреста пятьдесят миллиардов кубических метров пространства, за вычетом оранжерей, фабрик гидропоники и научных лабораторий, могли с легкостью вместить два с половиной миллиона человек. А с учетом индивидуальных капсул крио сна, построенных по образу и подобию пчелиных сот, и в пять раз больше. Сейчас же станцию обслуживало, едва ли пятьдесят тысяч человек. Ежемесячно на станцию отправлялось, с десятков космических челноков, обеспечивая порядка пятиста пар, новых рабочих рук. Понятно, что отбор отправляемых, производился самым тщательным образом. Лояльность к власти обеспечивалась и самими условиями жизни на станции. Обладатели громадных по земным меркам жизненных пространств, получали высококачественное питание, чистейший воздух и невозможные на земле условия труда и отдыха. Это были счастливейшие люди планеты, попавшие при жизни в космический рай, и не желающие расставаться с ним, ни при каких условиях. Проводя вынужденную замену персонала, управление станции пускалось на такие ухищрения, как командировка на Землю, с указанием даты обязательного возвращения, или проведение технических работ на челноках, возвращающихся на планету. При этом репатриантам вручались крупные суммы в кредитах, на командировочные расходы. Естественно, ни один из командированных на Землю, обратно не возвращался. Поэтому, при слове командировка, персонал станции вздрагивал, и никакие суммы в кредитах, не могли компенсировать разочарование изгнанных из рая.

И в этот космический рай Бард требовал отправить тридцать членов сопротивления. Грин не представлял, как все это сделать и поэтому тупо спросил: – «Зачем»? Бард, взглянул на часы и пояснил.

– О генераторе знаем не только мы, это раз. Реализация планов Сопротивления требует именно этого количества людей, так как он тоже не вездесущий, это два. И наконец, его самого отправят туда в течение трех дней, это три.

– Откуда ты знаешь, ведь сегодня воскресенье, ты не был на работе, или тебе уже сообщили? – спросил Грин.

– Грин, дружище, да меня встретят при возвращении из Мозголомки, которую сейчас уже обыскивают. Поэтому встретят меня, прямо возле квартиры. А мой терминал, и все на чем можно хранить информацию, даже последний листок пластика, из квартиры уже вынесли и доставили в Корпорацию, это же элементарно. И выходить я должен из Мозголомки, желательно в усмерть пьяным, – добавил Бард. Грин на секунду задумался.

– Вас возьмут на входе в Мозголомку, да и Коста вряд ли согласится, возвращаться этим путем.

– Соглашусь, донеслось от дверей в соседнюю комнату. – В дверях стоял ухмыляющийся Коста.

– Соглашусь при условии, что отправите на станцию. Брови Грина в удивлении поползли вверх. Бард лишь кивнул и буркнул – «Жучки»

– Ага, – радостно заулыбался Коста. Бард поднял ствол пистолета. Улыбка медленно сползла с лица Косты.

– Бард пойми, – быстро и просительно, – забормотал Коста.

– Мне три погружения осталось. А потом, либо к врачам и в Карантин, либо на минус третий.

– А что там, на минус третьем? – безразлично поинтересовался Бард.

– А там мутанты, а там, диггеры изгой. Они там своими бандами живут. Воюют, друг с другом и с мутантами. И валюта там не кредиты, а вода, и ценят там не людей, боеприпасы. И солнца там нет. Никогда нет! – чуть не плача закончил Коста. Бард заложил руки за спину и повернулся лицом к Коста.

– Но, смотри! – начал он.

– Понял, понял, – залепетал Коста.

Грин следил за руками Барда. Руки жили отдельной жизнью. Два пальца левой показывали букву, а один правой цифру. Б-1, означать это могло лишь одно, Бард потребовал еще одного бойца, для персонального пригляда за Костой.

– Как выходить будем? – без перехода спросил Бард. Коста опять широко улыбнулся: – У меня за ванной, потайная каморка, там моя женщина живет. Отдельный вход с минус первого. Пусть обыскивают, во век не найдут.

– А как же по минус первому? – спросил Грин.

– Тебя же Брамин привел? – уточнил Коста.

– Ну да, – ответил Грин.

– Так вот, на минус первом, он в нужном квартале, через минут двадцать глушилку забросит.

Глушилка, или генератор электромагнитных импульсов малой мощности, была изобретением диггеров и выводила из строя всю электронику в радиусе трехсот метров, минимум на полчаса.

– Пошли, время – деловито скомандовал Коста. Уже на ходу, Бард сунул в руку Грина пластиковую фасолину.

– Приемо-передатчик узконаправленного действия, – шепнул он.

– Сильно сжать и вставить в ухо, само разрушается, после трех пятиминутных сеансов», – давал краткие инструкции Бард.

– Запеленговать можно, но сложно. Можно, но сложно и расшифровать. Однако на это много времени надо, – продолжал шептать он на бегу.

Обратный путь не занял и десяти минут. Попавшаяся по дороге крыса и плюющаяся ядом летучая мышь, были быстро и без суеты расстреляны. Правда мышь успела все – таки плюнуть и пистолет Барда, принявший липкую слюну на себя, превратился в оплывший кусок

металла, но это уже ни имело, ни какого значения, так как вверху, в открытом Костой люке городской канализации, ярко сверкали огни городского освещения минус первого. Городом, конечно, это назвать было сложно. Приземистые, максимум трехэтажные постройки, располагались так плотно, что и три человека плечом к плечу, вряд ли между ними протиснутся. Все еще сырой воздух, мельчайшими каплями тумана оседал на стенах тоннелей и крышах домов. В полумраке туманного сумрака, расцвеченного огнями многочисленных окон и яркими пятнами реклам, кишел людской муравейник. Люди, проталкиваясь сквозь слипшуюся от тумана толпу, хаотично двигались, в обоих направлениях. Для Барда ни когда не посещавшего минус первый уровень, увиденное оказалось шоком. Он думал, что на минус первом людей, ну от силы несколько тысяч. Он ошибался. Здесь ютилось, жило, работало и размножалось, ни как не меньше, миллиона человек, а возможно и гораздо больше. Серые, рыхлые от постоянной сырости лица, уродливые тела, выцветшие краски одежд и предметов, создавали впечатление абсолютной безнадежности. Особенно его поразили дети. Топавшая на встречу девчушка лет тринадцати, выделялась на фоне толпы огненно-рыжим цветом волос. Детское лицо несло на себе такие следы безмерной усталости и безразличия, что производило невероятно жуткое впечатление. Между тем, девчушка, увидев, что Бард на нее смотрит, бойко протопала короткими ножками навстречу и ни секунды не сомневаясь, задрала подол юбки и неожиданно сиплым голосом предложила – «Три кредита за ночь, красавчик». Бард отшатнулся, нащупал в кармане какую-то мелочь и горстью бросил в поднятый подол. Грин, ставший невольным свидетелем происшедшего, тоже выглядел не лучшим образом, ежесекундно оглядываясь, он даже надел очки. А девчушка, пересчитав полученную мелочь, вдруг неожиданно расхохоталась, обнажая розовые десны, где редкими пеньками, через один просматривались сгнившие зубы. При этом округлое детское личико, просто светилось, от счастья. Таких контрастов, мозг просто не мог воспринять и Бард споткнулся. Только благодаря помощи Косты он не упал под ноги, монотонно ползущей на встречу толпы. В этом случае, без серьезных травм не обошлось бы. «Вперед, вперед!» – подгонял их Коста. Некоторое преимущество давало оружие. Видя вороненную сталь, толпа медленно и неохотно расплзалась по сторонам. В конце квартала уже виднелся пандус входа в горизонтальный лифт, когда завывли сирены легиона. Тягучая судорога, пошла по толпе, бросая в противоположную от воя сторону. Грин, Бард и Коста не стовариваясь, кинулись вдоль стены к пандусу. Напор толпы нарастал. Коста, нещадно вколачивал приклад АКМ во встречные тела и наконец, не выдержав дал вверх длинную очередь. Толпа шархнула в разные стороны. Пули с визгом рикошетили от свода тоннеля. На минус первом, не принято было стрелять в воздух, ибо воздуха как такового не было, были стенки и своды тоннеля, рикошета от которых пули причиняли гораздо больший ущерб, чем выпущенные пусть в упор, но в одну живую плоть. Это знали легионеры, но этого не знал и не учел Коста, не так часто применявший оружие, а точнее до этого дня вообще не применявший его на минус первом. Однако рефлекс Грина сработали безупречно. В отличие от товарищей, слушавших стоны и проклятия с разных концов зала он, схватил их за рукава, толкнул в сторону пандуса и заорал, – «Бегом!» Хлынувшая на них с разных сторон толпа опоздала всего на пару секунд. Очутившись в кабине вертикального лифта Бард, не задумываясь, врезал с правой в ухо Коста, Грин проделал то же самое, но с левой. Ошарашенный Коста потряс головой, потом согласно кивнув, произнес, – «согласен, заслужил». Но я сам не знал, что так...» Бард почувствовал себя виноватым.

– Ладно, прости, проехали, что дальше? Грин, тоже переминаясь с ноги на ногу, как нашкодивший школяр, пробормотал какие – то извинения.

– Дальше просто, – демонстративно вытирая кровь, сказал Коста. – Напьешься в камере моей женщины, она вытащит тебя в зал, и бросит, за каким ни будь столиком. Легионеры тебя сами подберут.

– Согласен, – кивнул Бард и, сунув в руки Грина вторую фасолину, шепнул, – отцу.

Через десять минут, переодетый в костюм Бард, сидя в уютной комнатухе, потягивал пакетированный виски в компании симпатичной женщины лет тридцати и с умилением слушал ее весёлую щебетню. «Что же с ней будет, когда Коста улетит на станцию», – вяло подумал он. Но после второго пакетика, алкоголь сделал свое дело и Бард начал проваливаться в приятное забытие сна, без сновидений. Он еще чувствовал, как его поднимают нежные, но сильные руки. Понимал, что куда-то бредет, едва переставляя ноги, слушал глупое и назойливое Бум, Бум – бум, Бум, буму, бум. После чего, реальный мир и звуки стали медленно таять и последним штрихом, стало расплывшееся в улыбке щербато – страшное лицо, рыжеволосой девчушки с минус первого.

Inter maiores (Главный среди старших)

*Если, желая оправдать себя, я объясняю свои беды
злым роком – я подчиняю себя злему року;
если я приписываю их измене – я подчиняю себя
измене; но когда я принимаю всю ответственность на
себя я тем самым отстаиваю свои человеческие
возможности.*

(Антуан де Сент-Экзюпери. Военный летчик)

Джойс Гриден, редко выезжал из своего поместья. Он как старый скупец, бережно хранил остатки роскоши доставшейся ему в наследство. Заработанная, трудом многих поколений, пережившая потрясения и революции, и даже, ядерный пожар последней войны собственность Джойса, представляла жалкие остатки былого величия семьи Гриденов. Сейчас он сидел на веранде в кресле-качалке прикрытый пледом от сырого осеннего ветра и разглядывал небоскребы Евразии-3, окружавшие его поместья и нависавшие над ним словно, морские утесы над терпящим бедствие парусником. Конечно, поместье было под куполом, который сжирал почти треть дохода от аренды принадлежащих ему земель. Конечно, и сырой осенний ветер, и запах моря, были всего лишь продуктом работы дорогостоящей климатической установки. Но отказаться от этих призраков былой, нормальной жизни, Джойс не хотел и не мог. Единственный слуга, старый Оливер, которого мог позволить себе Джойс принес сильно разбавленный, зато настоящий шотландский виски и трубку с настоящим табаком, заботливо поправил плед и доложил, что Грин, прибывший вечерним геликоптером, через пять минут имеет честь навестить отца. «Приготовь чашечку глинтвейна и вынеси сигары», – приказал Джойс. Сэр, чопорно произнес Оливер, позволю себе заметить, но сигар осталось всего 5 коробок, я имею в виду настоящих сигар. Да знаю я, отмахнулся Джойс. Двадцать бутылок настоящего виски, восемь фунтов настоящего табака, тридцать упаковок настоящего чая, две дюжины бутылок портвейна и пять коробок сигар – это все, что оставалось в запасниках поместья Гриденов. Но Джойс поклялся себе, что как бы не повернулась судьба, а по одному экземпляру каждого продукта он оставит. Чтобы в том необозримо далёком будущем, до которого он может и не дожить, люди начав производить настоящие продукты, могли сравнить вкус и хотя бы приближённо создать то, что когда то было утрачено, как казалось навсегда. Конечно, и сейчас, пусть в небольшом количестве, но выращивались и хлеб, и табак, и все что веками производилось людьми на полях и фермах. Но стоили эти, так называемые натуральные продукты неимоверно дорого. При этом, истощённая и перенасыщенная химикатами земля, не могла дать этим продуктам настоящего вкуса.

Джойс был главой Сопротивления уже третий десяток лет. Он стоял у истоков его создания и держал в уме всю структуру организации, призванной вернуть Земле богом данный облик. Созданная им и ещё десятком подвижников, тщательно законспирированная и хорошо обученная и вымуштрованная организация, должна была возродить былое величие человека, как рачительного хозяина и грамотного пользователя ресурсами планеты. В конце концов, просто вернуть людям человеческий облик. Сейчас на девяносто восьмом году своей жизни Джойс отчётливо понимал, что тот энтузиазм, с которым он начал это великое дело, значительно подрастрочен. Те идеи за которые они боролись со товарищи, становятся все более и более эфемерными, те взгляды на общество и людей, которые он пытался внедрить в сопротивление, находили все меньше и меньше понимания у простых бойцов. Люди просто хотели жить. Но экология планеты, их мало заботила, высокие идеалы, их не трогали. Они хотели, есть и по возможности сытно, они хотели не бояться завтрашнего дня, они хотели спариваться, как

и с кем придётся, хотели быть богатыми сытыми и ленивыми. В этом смысле успехи пропаганды власть предержащих были налицо. Но иногда среди серой массы вспыхивали яркие и сильные личности. Правящей элите, так и не удалось полностью уничтожить тягу людей к знаниям, стремление к новым горизонтам. Серая обыденность жизни взрывалась такими примерами искренней и чистой любви, такими красками жизненных страстей и благородных порывов, что общей массе становилось если не стыдно, то неловко за свою жизнь. Эти искры, власти обязаны были гасить, чтоб от них не вспыхнул общий пожар. Чтоб жизнь текла, так как течёт, напоминающая иссыхающую реку. Такой искрой и привиделся Джойсу Бард, друг его сына. То, что Джойс сумел вложить в Грина и то, как он сумел воспитать его, наполняло гордостью его отцовское сердце. Однако для Сопротивления Бард, был более ценен, и даже необходим, как будущий лидер. Лидер способный не только возглавить и повести за собой, но и заразить их собственным энтузиазмом, личным примером честного служения и огромной любви к роду людскому. Джойса до сих пор мучал, последний разговор с сыном, в котором он прямо сказал, что в своём преемнике на месте руководителя Сопротивления видит не его, а Барда. Сердце отца кричало от боли, но холодный разум бойца и главы Сопротивления, говорил, что так будет лучше.

Зазвучал колокольчик двери на веранду и Джойс невольно поёжился. Предстоял нелёгкий разговор с сыном.

– Грин, сынок, – начал было Джойс.

– Отец, он сделал это! – перебивая его, с порога закричал Грин.

– У нас есть генератор! Понимаешь, у нас есть генератор! Есть Эдем, и есть генератор! От сердца отлегло. – Боже, какой же я глупец, старый выживший из ума глупец, – думал Джойс. Так не знать своего сына. Он не ревновал и не злился. Он думал о борьбе, жил ей, радовался победам, как мальчишка. Он уважал и любил своего друга. Он был настоящей, цельной личностью и человеком с большой буквы. Грин сунул в руку отца фасолину узконаправленного приемо-передатчика.

– Сильно сжать и вставить в ухо. Три сеанса связи и саморазрушение, – повторял он краткие инструкции.

– Представляешь, какой умница! – продолжал Грин. – Заранее предвидеть, что нужна будет индивидуальная связь, разработать и создать устройство связи, рассчитать тысячу других мелочей, для обеспечения работы Сопротивления. Нет, это мог сделать только Бард, – продолжал с энтузиазмом Грин.

– Теперь к делу. Барда забирают, если уже не забрали, на Вавилонскую башню. Грин, пристально посмотрел на Джойса.

– Ему нужна защита и помощники. К нам навязался один лишний из диггеров, поэтому нужен будет ещё один следак. Всего тридцать один человек.

Грин полностью передал запросы Барда и добавил свои пожелания.

– Я бы усилил группу ещё пятью боевиками и двумя следаками.

– Ты не доверяешь Барду? – спокойно спросил Джойс.

– Да нет, что ты, – замахал руками Грин, это я так на всякий случай.

– Случай – хмыкнул Джойс.

– Так вот тебе случай, считай, – и Джойс начал перечислять.

– Отправить одного человека на станцию, с фактическими документами, утверждёнными контролирующими органами – это сто тысяч кредитов. На счетах Сопротивления три миллиона – восемьсот тысяч кредитов, плюс мои личные счета на полтора миллиона. А ведь после отправки людей на станцию, Сопротивление не только должно продолжать работу, но её придётся активизировать. Твой друг это все учёл и просчитал, ты нет – резюмировал Джойс.

Грин смутился. Действительно Бард запросил необходимый минимум, понимая, что Сопротивление должно вести борьбу на Земле, а станция, пусть и важный, но всего лишь элемент этой грандиозной борьбы.

– Кстати, а что это за лишний диггер – спросил Джойс.

– Да Коста..., установил жучка в бункере и подслушал наш разговор – небрежно отмахнулся Грин.

– Ты так легко к этому относишься? – спросил Джойс. Вот тебе информация к размышлению. Ни один жучок, на минус втором, работать не будет, иначе правительство напичкало бы ими всю подземку, это раз! Ваш разговор, все – таки был подслушан, это два. Убирать Косту, даже если он следак, или агент легиона бессмысленно, просто поздно, это три. Теперь мы имеем на Вавилонской башне, неучтенный фактор риска, ибо Косту придется взять, это четыре.

Грин растерялся.

– Почему же Бард спросил про жучка, неужто не просчитал?

– Бард проверил Косту и теперь знает, что тот лгал, а на башню взял по обстоятельствам.

Врага всегда лучше держать под рукой, больше шансов предвидеть или предотвратить его действия, – пояснил Джойс.

– Да и не вышли бы вы так гладко, через минус первый без Косты, что, кстати, тоже наводит на определенные размышления, – подытожил Джойс. Ну да ладно, что сделано, то сделано, и изменить, мы уже ни чего не сможем. Однако у меня плохое предчувствие. Кто – то заставляет нас играть по его правилам. Поэтому, если Барда еще не забрали, а я склонен думать, что это так, то мне, нужна личная встреча. Пункт выхода, дебаркадер, на Темзе, называется – «Притон пирата». Как доставить туда Барда, придумаешь сам. И еще, это, – Джойс показал фасолину приемо-передатчика, – хорошо для Земли. На станции, в ограниченном пространстве, запеленговать его плевое дело, а расшифровать, вопрос времени. Нужен новый способ связи, – подвел итог Джойс.

Грин остро почувствовал укол ревности. Все основные вопросы, отец собирался решать с Бардом. Ему же, отводилась роль исполнителя. Но Джойс не был бы тем, кем стал, если бы не умел чувствовать, тончайшие психологические нюансы любого разговора. Он быстрее Грина понял происшедшее изменение психологического фона, и тут же внес корректировку. «Кстати, твое присутствие при встрече обязательно, я ни кому, кроме тебя не могу доверить судьбу проекта в целом и судьбу Барда в частности. А поскольку их судьбы взаимосвязаны ты и будешь той Мойрой, которая плетет нить его судьбы. Хочу, чтобы ты это понял, как понял и ту меру ответственности, которая на тебя возложена. И, кстати, твой полет на Башню, дело, решенное и обсуждению, не подлежит».

Грина отпустило. Он, не исполнитель. Как фейерверком промелькнули картины недавнего прошлого. Он не только вел, но и защищал Барда. Барду необходима была его помощь. Гениальный ученый и талантливый руководитель, в обычных житейских вопросах, Бард больше походил на младенца, вышедшего на улицы большого города. Будь то драка с качками из физкульты, или наивно – мушкетерское отношение к любым представительницам женского пола, Бард был беззащитен. И он, Грин, должен был защитить предупредить и создать Барду, все условия для спокойной работы. Он должен был стать его нянькой, чтобы Бард мог дать жизнь тому, что называлось «ПРОЕКТ». Грин теперь точно знал, он не вершитель, но и не исполнитель. Он гораздо больше и того и другого, он Хранитель. Он, и только он, Хранитель Проекта.

Джойс, увидев результат своих слов, спрятал улыбку в бокале виски. В сущности, они были просто пацаны. При всех их талантах, при всем их уме, и при всей их простосердечной горячности, они были просто пацаны. Ими было легко управлять, и Джойс откровенно радовался. Всегда приятно иметь дело с людьми, души которых чисты и открыты, с людьми без второго дна.

– Последние сведения о Барде, – потребовал он у сына.

– Легионеры забрали из Мозголомки пьяного в хлам, – возвращаясь к реальности, доложил Грин.

– Ладно, завтра в двадцать два в дебаркадере, – распорядился Джойс. Грин одним глотком допил глинтвейн и, не прощаясь, направился в сторону вертолетной площадки. Джойс имел возможность обеспечить себя личным вертолетом, как и личной, мини подводной лодкой, на которой он и собирался совершить свой вояж к дебаркадере.

Грин и не подозревал, сколько предстояло сделать отцу, за оставшиеся двадцать с половиной часов.

Случилось так, что в семнадцати крупнейших городах мира, в тщательно законспирированных квартирах, одновременно, именно в один час на три секунды вспыхнули оранжевые сигналы тревоги. Вспыхнули и погасли. Дежурные Соппротивления оповестили региональных руководителей о сигнале общего сбора.

Событие не было рядовым. На случай общего сбора были предусмотрены соответствующие инструкции и средства передвижения. Точкой сбора, по всем параметрам безопасности и доступности, была определена пещера на одном из 192 островов земли Франца Иосифа, в полярном море, в ста километрах, от радиуса действия последней станции слежения, расположенной в Северном ледовитом океане. На время сбора, на станции происходило штатное отключение питания, обусловленное сезонным дрейфом льдов, периодически повреждавших силовую кабель. Источники бесперебойного питания должны были отключиться через четыре часа после аварии, что обеспечивало максимальную скрытность операции.

У Джойса в запасе оставалось около трех с половиной часов, которые следовало потратить на подготовку к общему сбору региональных руководителей Соппротивления.

Бард очнулся от скрипучего хриплого голоса. «А ну-ка встать ублюдок!» Сознание реагировало медленно. Внутренний голос подсказывал: – «Не открывай глаза». Бард расслабил мышцы и продолжал лежать с закрытыми глазами.

– Док он не приходит в себя, – проскрипел тот же голос.

– Афлутамин, обычно действует сразу, – прозвенел, чей то жизнерадостный голосок, – но если вы применяли электрошок в состоянии алкогольного опьянения, то наберитесь терпения. Да, и молитесь, чтоб мозг не пострадал, иначе я Вам не завидую.

– Док, я клянусь, был минимальный заряд. Жизнерадостный голосок похолодел и напоминал, синевато белесую сталь перекаленного клинка.

– Что мне от ваших клятв, поберегите их для суда, вы знаете цену этого мозга. Всех кредитов планеты не хватит, если вы его повредили. Он что оказывал сопротивление?

– Какое сопротивление док? Он был, пьяный в доску. Просто, так легче транспортировать.

– Вас тоже будет очень легко транспортировать – отрезала докторша.

– Отлично, – подумал Бард и попытался сосредоточиться. В скрипучем голосе, явно слышалась паника.

– Эй, Бодри, или кто там, приведите его в себя – голосом кастрированного быка, проскрежетало над Бардом. В ту же секунду поток ледяной воды обрушился на его голову. Нехотя, Бард открыл глаза. Вместе с потоком света в затылок ударила тупая боль.

– Как тебя зовут? – проскрипела, плохо выбритая рожа офицера Легиона, склонившаяся над ним.

Бард, отказался от мысли разыграть слабоумие. Два часа, допроса на полиграфе и его дееспособность будет установлена. Но маленькая месть не помешает.

– Не помню, – разлепив спекшиеся губы, безразлично бросил он, заметив краем глаза, удивленно округлившиеся глаза девушки в синем халатике, которую легионер уважительно именовал док. Девушка была замечательна. Словно природный скульптор не пожалел вре-

мени, на выточку и обработку ее фигуры. При небольшом росте, около ста шестидесяти, она была очень пропорционально сложена. Длинные и стройные ножки, делали ее рост зрительно больше. Тонкая талия, упругие холмики груди, слегка покатые плечи, и несколько удлиненное лицо, с раскосыми глазами, завершали этот очаровательный облик. Заметив, ироничный взгляд Барда, глаза девушки тут же начали наливаясь холодной голубизной. Бард, посмотрев в упор на офицера легиона, тут же спросил: – «Кто вы»? И через секунду, – «Где я»? В долю секунды офицер Легиона из допрашивающего, превратился в допрашиваемого. Глаза его поплыли: «Еще чуть – чуть и потеряет сознание», – подумал Бард. Однако скрипучий голос, не зависимо от состояния сознания, механически докладывал.

– Вы Бардин Дмитрий Николаевич, начальник спец. лаборатории института исследования мирового пространства, на станции Вавилонская Башня, – механически декламировал скрипящий голос.

– Я офицер третьего ранга Легиона, – продолжал докладывать обладатель плохо выбритого лица.

– Проболтался парень, – подумал про себя Бард. Назвать старшего сотрудника, начальником спец. лаборатории, добавив при этом, что спец. лаборатория на станции это было верхом непрофессионализма. Это было равносильно тому, что сказать:

– Меня наняли следить за тобой, допросить и доставить к месту назначения.

– Следить, пожалуйста. Доставить, сколько угодно. Допросить, – нет, – вычленяя, как обычно основные задачи, определился Бард.

– Ваши инструкции офицер? Тоном, не терпящим возражений, задал вопрос Бард, опять уловив краем глаза, удивленно насмешливое выражение лица, миловидной девушки. Как начальник спец. лаборатории, он мог позволить себе подобную наглость.

– Ах, умница, – подумал Бард. Она понимала его игру и не вмешивалась. Офицер словно очнувшись, принял деловой вид и задал вопрос.

– Что вы делали в Мозголомке? Такую форму допроса Бард допускал и, сделав усилие сел на кушетке, к которой как, оказалось, была пристегнута наручником, его правая рука. Бард с видимым недоумением, уставился на стальной браслет. Офицер Легиона, бросив гневный взгляд на Бодри, заставил последнего сорваться с места и снять наручник. В лице офицера, появилось нечто заискивающе просительное.

– Это, чтоб вы себе не навредили – пояснил он. Заигрывать не стоило, поэтому Бард утвердительно кивнул и доверительно взяв офицера за кисть руки, начал пояснять.

– Видите ли, офицер, я молод, и я девственник, а природа требует своего, голосом кающегося подростка начал Бард.

– Я искал, развлечений и доступных женщин. В глазах офицера появилось облегчение, понимание и даже понятное любопытство. Боковым зрением, Бард продолжал наблюдать за доктором и с удовольствием отметил на ее лице сочувствующе – брезгливое выражение.

– И как? – поинтересовался легионер.

– Как всегда, ни черта не вышло – сокрушенно признался Бард, замечая явное облегчение на лице докторши.

– Пить надо меньше – отеческим тоном, пожурил офицер.

– Доставьте пациента домой, я сопровождаю, – менторским голосом, заявила доктор.

– Нет необходимости, – отрезал офицер, – я выделю ему наряд. Тем более что дома он не задержится. Ему сейчас противопоказаны и спиртное и женщины, – язвительным голосом блюстителя порядка, отчеканил офицер. Барда, такой исход вполне устраивал, да и девушка доктор, разумных возражений не нашла.

Схватка

Также услышите о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство»

(Мф. 24:6—7)

Росчерками белого пера по бледно – коричневому небу проскользнули инверсионные следы семнадцати спортивных стратопланов. Сопротивление могло позволить себе приобрести для руководителей групп, быстрый и надежный способ доставки. Скорость стратоплана достигала в разряженных слоях атмосферы космических величин, и превзойти ее могли, только тяжелые штурмовики Легиона, выполненные из особо прочных сплавов и композитных материалов. Взлетая почти вертикально стратопланы за десять минут достигали стратосферы и, развив предельно допустимую скорость, практически пикируя, направлялись к цели. Полет в любую точку земного шара не занимал более полутора часа.

В данном случае, все стратопланы вылетели в точно установленные временные интервалы, из разных городов планеты, так чтобы, прибыть в место назначения одновременно. Местом назначения, был один из островов Земли Франца Иосифа, а именно пещера на мысе Тегетхофф, острова Галля. Все было рассчитано, все учтено, кроме одного. В каждом конкретном случае, присутствуют неучтенные случайности. Как бы, то ни было, семнадцать стратопланов успешно приземлились и замаскировались в замаскированных под заступы и скалы, семнадцати ангарах. Начинался большой совет Сопротивления. Пещера на мысе Тегетхофф была рукотворного происхождения. Еще во времена владычества России над Арктикой, в ней был создан, запасной командный пункт (РВСН) – ракетных войск стратегического назначения. Внутри, пещера была облицована двенадцати дюймовым слоем гомогенной брони, с двадцатидюймовыми броневыми воротами, обеспечивавшими семидесяти процентную защиту при прямом попадании ядерного боезаряда. Соответственно в хранилищах бункера находилось достаточное количество продуктов, воды и сжиженного кислорода для под-

держания жизнедеятельности и работоспособности двухсот шестидесяти человек, в случае военных действий с применением ядерного оружия. В комплекс входили так же, шесть радиолокационных станций, четыре из которых, были восстановлены инженерами Сопротивления и в настоящее время находились в рабочем состоянии.

Совет Джойс начал будничным голосом. «Генератор есть, и он работает». Потребовалось несколько минут, чтоб буря, вызванная этим заявлением, улеглась. Каждый кричал на каждого. Восторги, и взаимные упреки слились воедино. – А, видишь? – А ты не верил! Работает гад! Работает!... Все, – рявкнул Джойс, – Остыли! В бункере воцарилась тишина. – Работающий генератор, только пол дела, основное еще только предстоит сделать. Эдем от нас далеко и правящая элита, так просто его не отдаст, – продолжил он.

– Элита уже выработала ресурсы планеты, и отступать ей некуда. У них, так же как и у нас, есть свой Проект, который они и будут реализовывать. На их стороне ресурсы, власть, деньги. На нашей, только убеждения и правда. Однако правда, малого стоит, если она не умеет себя защитить. Для простого обывателя, задачи и цели, как наши, так и правящего класса неразличимы. Они создали станцию, а теперь и генератор, чтобы переселиться на Эдем. Мы тоже хотим использовать станцию и генератор для переселения. Казалось бы ни какой разницы. Все – же, разница есть, и разница существенная. Они планируют переселиться сами, захватив с собой несколько миллионов рабов, для обеспечения своих потребностей, бросив остальных, на лишенной ресурсов и загаженной планете. Обрекая их тем самым, на медленное вымирание. Мы собираемся направить на Эдем передовой отряд человечества, для подготовки планеты к переселению абсолютного большинства жителей планеты. В этом разница. Поэтому, чтобы был реализован, наш, а не их Проект, предстоит серьезная работа и, смею предположить, не менее серьезная драка. Начиная с сегодняшнего дня, мы прекращаем все одиночные акции и выступления. Все силы и ресурсы Сопротивления направляются, на решение конкретных задач. А именно, захват станции и обеспечение ее безопасности, до момента отправки первых людей на Эдем. Это в принципе, возможно, теми силами и средствами, которыми уже сейчас располагает Сопротивление. Вторая задача сложнее. Как предотвратить полное истребление человечества, до момента глобального переселения? Скажу откровенно ни сил, ни необходимых средств, на сегодняшний день, у нас нет. Тем более, что лишенная станции и генератора элита, я в этом уверен, сделает население планеты своими заложниками. Для этого у нее есть все. Начиная от Легиона, и заканчивая ядерным и термоядерным оружием. Однако первую часть плана, реализовать необходимо. Иначе останемся ни с чем. Кроме того, реализация первой части плана, дает возможность начать переговоры, с правящим классом и, в конечном счете, предполагает достижения приемлемого для обеих сторон компромисса». Дальнейшая дискуссия не заняла и пяти минут. Обсуждение приняло деловой характер. Все согласились с тем, что способ связи, предложенный Бардом, носит рискованный характер, а в условиях ограниченного пространства Вавилонской Башни, и вовсе опасен. Джойс предложил воспользоваться для общения Кодемами, специальными таблицами, где информационные слова вставлялись в текст, случайно, и с разными промежутками. Большинство согласилось, не смотря на кажущуюся трудность восприятия информации. Таблицы с кодами были розданы, в виде микрочипов, с встроенным ментально-гипнотическим заповинателем, и инструкциями к обучению. Успели назначить членов групп направляемых на Вавилонскую Башню и разъяснить порядок действий. После того как, были утрясены вопросы участия и финансирования проекта, все получили индивидуальные платежные карты, по одной на каждое из подразделений, участвовавших в проекте Эдем. Заседание совета фактически закончилось, когда на двадцать седьмой минуте взрвали сирены тревоги, напрямую сопряженные с четырьмя работающими РЛС.

Джойс, буквально кожей ощущал корпускулы мыслей присутствующих. «Выследили!» Не смотря на глубокую конспирацию и все возможные меры предосторожности, их все – таки выследили. Экраны радаров безразлично отображали рисунки двадцати четырех зелено голу-

рых точек стремительно приближавшихся с юго-западного направления. По летным характеристикам, это были тяжелые штурмовики Легиона, грозы и ужаса последней войны. Собранные из композитов и сверхпрочных сплавов, оборудованные сверхмощными плазменными двигателями, они несли на каждом борту заряд, способный превратить в расплавленную магму, целый континент, а не жалкий остров в арктической пустыне.

– Отсидеться не удастся, воевать нет возможности, сдаваться не имеет смысла, как поступить не знаю, – сформулировал Джойс. – Какие будут рекомендации?

– У меня есть рекомендации, – с сильным национальным акцентом заявил Вахо. Вахо Горнидзе по национальности грузин, по статусу руководитель подразделений Африка 3 и Африка 5, талантливейший горный инженер и отличный руководитель, встал и расправил плечи.

– Уходите, я прикрою, просто сказал он.

– Ага, а я, помогу, – добавил сидевший в углу Дон Сантос Кавальери, представитель Адриатики 1 и Адриатики 2.

Сантос и Вахо, воспитанники одного интерната, были друзьями с детства. Волею творящих судьбу, они оказались разбросаны по разным континентам, но ни на секунду не прерывали возникшей в далеком детстве привязанности. И не на миг, не изменяли, выработанному еще тогда, в далеком детстве и позже скрепленному кровью, собственному кодексу. Правила этого кодекса были просты и недвусмысленны: – «Защищай слабых, прикрывай друга, люби женщин и береги детей. А главное, ни когда не сдавайся». Они непреклонно следовали, этому по детски наивному, но благородному кодексу. И когда было тяжело Сантосу, Вахо отделенный от него тысячами километров пространства, умудрялся помочь. А когда легионеры схватили Вахо, Сантос поставил на уши все Соппротивление и организовал полуторамиллионный бунт, чтобы освободить друга. Джойс знал об этой нерушимой дружбе, знал об их кодексе, и ценил этих региональных лидеров, за то, что в любой момент, мог закрыть ими самые слабые места в Соппротивлении, которые, как и в любом социо – политическом конгломерате, имели место быть.

– Это бессмысленно, – сказал Джойс.

– У Вас нет оружия, а по энергооснащенности любой тяжелый штурмовик Легиона превзойдет и десяток стратопланов.

– По энергооснащенности – да, по маневренности – нет, отрезал Дон Сантос.

– Да и оружие у меня есть – заверил, тяжело вздохнув Вахо.

– А у тебя? – спросил Джойс, взглянув в сторону Сантоса.

– Эст, эст, – передразнивая акцент друга, улыбнувшись, ответил Сантос.

Джойс понимал, что эти двое обрекли себя смерти. И глядя в открытые, честные и как-то по особенному светлые лица, знал, что своего решения они не изменят.

– Ни когда не сдавайся друг. Так? – спросил Сантос.

– Ни когда, – подтвердил Вахо. Оба вышли на середину бункера и в прощальном приветствии подняли сжатые в замок руки. Присутствующие поднялись и с глубоким почтением повторили этот прощальный жест.

– Старт через семь минут после нас, – уточнил Вахо и вместе с Сантосом, быстро вышел в боковую галерею, ведущую к стратопланам.

Два спортивных стратоплана яркими метеорами прорезали небо Арктики. На экране Вахо серебристыми каплями загорелись штурмовики Легиона. Пока они были еще слишком далеко, еще, где то в стратосфере над континентом. Вахо не строил иллюзий, ни какой, даже переоборудованный, как у него и Сантоса стратоплан, не сравнится по боевым характеристикам со штурмовиком Легиона. Расчет был, на хитрость, наглость и боевую злость. Курс и скорость штурмовиков недвусмысленно давали понять конечную цель их полета. Вахо понимал, что им понадобится не более пяти минут, чтобы выйти на дистанцию уничтожения цели.

Взревели плазменные конверторы, и стратоплан Вахо свечой рванул в стратосферу. Стратоплан Сантоса, продолжал на низкой скорости и маленькой высоте уходить в сторону полюса. От серебристого облачка на радаре Вахо отделилось восемь точек, которые стали стремительно приближаться к его машине. Еще восемь точек взяли курс на полюс и стали стремительно догонять Сантоса. Остальные штурмовики, не меняя курса, продолжали движение к острову Галля. «Понимаешь брат?» – крикнул Вахо в коммуникатор, таиться больше не было смысла. Они оба поняли, что Легионеры точно знали расклад сил и диспозицию. И даже если Вахо и Сантос отвлекли на себя часть сил противника, основную задачу, уничтожение базы оставшиеся штурмовики выполнят. – Поздно что-то менять, – через паузу, ответил Сантос, – я не смогу повернуть, те, что за мной, пусть тебя не беспокоят. – Работай брат». Речь Сантоса прервалась, по экрану побежали перламутровые сполохи. По машине Сантоса один из догонявших его штурмовиков применил плазменную пушку. «Рано идиоты», – мелькнула у Вахо злорадная мысль. Но как оказалось Легионеры вовсе небыли, ни идиотами, ни дураками. Плазменный разряд ударил в ледяной заструг, и грибовидное облако из пара и ледяной крошки, подкинуло и перевернуло машину Сантоса. На долю секунды стратоплан друга стал неуправляемым и не понятно, каким шестым чувством руководствовался Сантос и как при таких перегрузках сумел не потерять сознание, но генетическая память потомка отважных тореадоров сработала на уровне подсознания. Именно в ту долю секунды, когда машина полностью потеряла и движение, и управление, когда панель радара заливала бледно-перламутровая слизь помех, за миг до повторного залпа, рука почти потерявшего сознание Сантоса потянулась к рычагу генератора электромагнитных помех и нажала гашетку пуска. Вся энергия плазменных двигателей была направлена на генерацию мощного электромагнитного поля. Штурмовики Легиона как в невидимую стену врезались в электромагнитную волну, выпущенную им на встречу. На тех скоростях, на которых велся этот короткий бой, времени не хватило ни людям, ни компьютерам, чтобы предотвратить катастрофу. Мгновенно обесточенные защитные поля плазменных двигателей, перестали удерживать сверхвысокие температуры в своей узде и тысячеградусные протуберанцы на миллисекунду коснулись стенок моторных отсеков. В арктическом небе ярко вспыхнули девять новых звезд, озарив нестерпимым светом, черноту полярной ночи. «Сантос друг!», – тяжелые слезы поползли по щекам Вахо, невидимая петля горя, перехватила горло, но рука твердо удерживала управление, и стратоплан продолжал упрямо ввинчиваться в полярное небо. Краем глаза Вахо отметил показания альтиметра. Предельная высота была почти достигнута, еще десяток секунд и разряженный воздух перестанет превращаться в плазму, двигатели встанут. Понимали это и преследователи, поэтому и не спешили применять оружие, стремительно сокращая дистанцию. За секунду до остановки двигателей Вахо потянул на себя рычаг открытия грузового отсека и полторы тысячи тон морской гальки, каменной шрапнелью ринулись навстречу преследователям. На скорости около 6000 километров в час, даже маленький камушек принимал силу бронебойного снаряда. На радарх мелкие камни не отражались, и Легионерам пришлось, что называется грудью встретить этот горный обвал. В считанные секунды восемь штурмовиков превратились в восемь кусков изуродованного, рваного металла. «За Сантоса», – прошептал Вахо стратоплан, которого лишенный привычной воздушной опоры, беспорядочно кувыркаясь, стал стремительно терять высоту. Восемь серебристых точек направлявшихся в сторону мыса Тегетхофф, как по команде изменили курс, и будучи не в силах, изменить психологию боя, кинулись на добивание. Только Вахо знал, каких ухищрений и трудов стоило ему добыть несколько сотен грамм обогащенного радия. Только Вахо помнил, скольких товарищей, он потерял. Заряд собирали почти вручную. В приспособленной под мастерскую, высокогорной пещере. Кустарное производство гарантировано обеспечивало, сборщикам лучевую смерть. На сборку добровольно вызвались люди, которым в этом году предстояло добровольно явиться на «Пункт Приятной Смерти». Сегодня заряд находился в его стратоплане. И наконец, мог быть применен в деле, привнеся свою, кровавую дань, на алтарь

человеческой ненависти. И когда штурмовики вышли на дистанцию поражающего удара, Вахо не дрогнув привел заряд в действие. Новое солнце на несколько минут залило своим сиянием ледяные пустыни Арктики, яркой вспышкой, новой звезды озарив итог жизни, этих двух гордых и смелых людей. На миг, разорвав в клочья тьму и сумрак обреченной планеты, ослепительным контрастом, багрового пламени и голубого льда, вспыхнула полярная ночь.

Люди в бункере ощутили тяжкий удар, с силой чудовищной булавы, в руках сказочного великана, обрушившийся на вмерзший в океан остров. Удар, потрясший его до самого основания, до невидимых гранитных когтей, намертво вцепившихся в океанское дно. Присутствующие с недоумением смотрели на контрольную панель, показывающую резкий скачок радиационного фона. Ядерный заряд? У кого? Откуда? Ответов на эти вопросы у них небыло. Всего они могли ожидать от своих умных и отважных товарищей. Но такого, не мог предвидеть даже Джойс. Вахо ни когда особо не делился своими планами. Вот и сейчас его тайна, вместе с ним погрузилась в глубины Леты, оставив неразрешимой загадку ядерного заряда. Как бы то ни было, путь к эвакуации, как он и обещал, через семь минут был открыт.

Дебаркадер

*Для любой волнующей человека
проблемы всегда легко найти решение —
простое, достижимое и ошибочное.*

(Генри Луис Менкен)

Десятками тысяч разъяренных шмелей взвыли встроенные в коммуникаторы у Легионеров по всему миру, датчики экстренного оповещения. Сигнал общей тревоги выдерживал их из постелей, заставлял бросать все, даже самые неотложные дела и мчаться к пунктам постоянной дислокации. Семь десятков тяжелых штурмовиков, и сотня более легких боевых машин по всему миру, были приведены в высшую степень боевой готовности. Зашевелились в недрах подводных лодок, отупевшие от бесконечного ожидания экипажи. По нервам оптико-волоконных кабелей боевых компьютеров, по планете, со скоростью света разлетелся мгновенный разряд ужаса. Сигнал всеобщей тревоги, взревел во всех мегаполисах планеты. Люди, с застывшим выражением животного ужаса в глазах, на секунду впадали в оцепенение. Это не могло быть, ни злой шуткой, ни чьей то ошибкой. Где то на планете, впервые за семь десятков лет, кем – то, было применено ядерное оружие. И без того загаженная планета, получила еще одну порцию радиоактивного яда. Отвыкшие, за более чем полувека, от кошмара ядерной смерти, висевшего над планетой в годы Последней Войны, люди вслушиваясь в сообщения личных и уличных коммуникаторов, напряженно вглядывались в строгие лица дикторов информационных каналов, ожидая либо приговора, либо помилования.

Офицер и два легионера сопровождавшие Барда, замерли у кабины лифта. Застыл и Бард, вслушиваясь в механический голос, автоматической системы всеобщего оповещения. Трехсекундная пауза была прервана мелодичным сигналом лифтовой кабины. – Домой, – рявкнул офицер легиона, отшвыривая Барда в сторону и буквально за шиворот втаскивая в кабину своих подчиненных. Опешивший Бард, еще несколько секунд находился в ступоре. Мозг работал с лихорадочной быстротой. – Кто смог, кто сумел? – мелькало в перепуганном сознании. Ни о чем подобном в Соппротивлении, Бард не слышал. Рука непроизвольно разломала самодельную сигарету и на ладонь выпала фасолина приемопередатчика. Сильно сжав ее и вставив в ухо, Бард почти сразу услышал непрерываемый голос Грина. – В дебаркадер – бегом, – командовал Грин. Когда Грин говорил таким тоном, ни спорить, не возражать, не имело смысла, и Бард пулей метнулся к кабине подошедшего лифта.

Грин, сам опешивший от сигнала всеобщего оповещения, тем не менее, быстро пришел в себя. Тренированное тело, мгновенно выбросив в кровь дозу адреналина, заставило мозг работать четко и бесстрастно. Приемопередатчик, настроенный на Джойса, выплюнул лишь одно слово – дебаркадер. Ни на секунду не замешкавшись, Грин, кинулся выполнять приказ. Джойс понимал, что всеобщая паника и неразбериха не продлятся и часа. Это был его час, и это была единственная возможность, встретиться с Бардом и отдать необходимые распоряжения. Когда правители и легионеры придут в себя, им не дадут ни единого шанса. Режим и слежка, будут доведены до предельного уровня. Все приходилось делать в экстренном порядке. – Ах, Вахо, Вахо, ну кто бы мог подумать, что у тебя окажется пусть самодельное, пусть кустарно изготовленное, но такое мощное оружие, – размышлял Джойс. – С другой стороны, если бы не Вахо, лежать бы тебе сейчас прикованным к столу и под действием наркотиков каяться во всех грехах докторам из Легиона. Мысли прервал зуммер альтиметра, сообщавшего, что стратоплан перешел в режим пикирования и до катапультирования в ледяную воду оставались считанные минуты. Две пары четырехзначных цифр, продиктованные им ранее, предполагали, что мини подводная лодка, его подберет. И не смотря на то, что экипаж

из трех бойцов Сопротивления был опытным, а водометные двигатели обеспечивали высокую скорость и малую шумность, сомнения, что его подберут быстро, оставались. Джойс буквально физически ощущал, как тают минуты отведенного ему времени. Он мысленно представлял, как собранные в местах постоянной дислокации Легионеры, оправившись от первой паники, начинают получать четкие приказы, а чуткие антенны инфракрасных, радиолокационных и гидролокаторов методически начинают прощупывать, небо, море и землю. Как приходят в себя и начинают свою кропотливую работу миллионы операторов видеонаблюдения, как в цепях датчиков движения и звука проходят команды запущенных на полную мощность боевых компьютеров. – Нет, нет, еще не сейчас – время еще есть, не так много, как хотелось бы, но есть, – уговаривал себя Джойс, когда невидимое копыто системы катапультирования с бешеной силой лягнуло основание его пилотского кресла. Уже лежа в ледяной воде, Джойс проводил взглядом врезающийся в воду стратоплан и краем глаза заметил воздушно-пенные буруны приближающейся лодки. – В яблочко, – успел подумать Джойс, перед тем как ледяные тиски заставили помутиться сознание.

Под дебаркадером, на глубине 12 метров, был оборудован сухой грот, способный скрытно принять мини подводную лодку. В гроте, так же находилось несколько старых морских контейнеров, по мере сил переоборудованных в помещения для регионального штаба сопротивления. Связь с поверхностью, осуществлялась через хитрую систему шлюзов, обеспечивающих скрытность и эффективность доставки посетителей. Грот представлял собой один из последних форпостов регионального отделения Сопротивления и в случае раскрытия его существования властями, Сопротивлению в Евразии – 3, пришел бы конец. Однако творение гениального изобретателя, проектировщика и романтического мечтателя, ныне покойного инженера Вольфа Фон Кюхеля, работало, как часы без малого тридцать лет и до сих пор не было раскрыто правительственными службами. Без малого пятнадцать минут, подобно тигру в клетке Грин измерял шагами не слишком просторное помещение штаба. Время непрерывно утекало, а отец все не появлялся. Спустившись в штаб и Грин, и Бард потеряли всякую связь с внешним миром. О том, что происходит на поверхности оставалось только гадать.

– Может, кто то из элиты начал передел собственности? – спросил Грин. Бард безразлично пожал плечами, продолжая увлеченно изучать голографическую схему штаба.

– Это кто же сотворил такое чудо? – широко разведя руки, поинтересовался Бард.

– Кюхель – хороший был инженер, а главное настоящий патриот и отличный боец, – ответил Грин. Бард осуждающе покачал головой.

– Не хороший, а гениальный, таких инженеров, поискать. Таких, беречь, как зеницу ока надо, – продолжил Бард.

– Во – во, наверное, какой ни будь такой Кюхель и смастерил то, что сегодня рвануло, – махнув рукой, закончил Грин, с тоской глядя на секундную стрелку морского хронометра висящего над пультом управления энергоснабжением штаба.

Раздался щелчок магнитного замка шлюза и в помещение ввалились двое. Первым был Джамиль, командир личной мини субмарины Джойса, которого Грин знал с детства. Вторым оказался сам Джойс, закутанный в какие—то одеяла.

– Отец, – вскрикнул Грин, рванувшись к вошедшим.

– Потом, потом, – отмахнулся Джойс, – и повалился в кресло. Пока Джамиль рыскал по ящикам стола, отыскивая одному ему известный тайник с припрятанной бутылкой рома, Джойс с присущей ему точностью и краткостью дал описание событий последних двух часов.

– Теперь о деле, – с благодарностью кивнув Джамилю и принимая от него стакан с ромом, продолжал Джойс.

– Вы молодой человек, – кивнув в сторону Барда, заявил Джойс, – берете на себя руководство проектом Вавилонская Башня. Инструкции, подробности, детали и кодемы, все здесь, – Джойс передал микрочип.

– Заучить как можно быстрее, после чего уничтожить, – Джойс кинул беспокойный взгляд на хронометр.

– То же самое касается вас, – Джойс передал еще два чипа, Джамилю и Грину. У Джамиля округлились глаза. Перехватив его взгляд, Джойс пояснил.

– Знаю, все знаю и что ты лучший командир, знаю, и что у тебя семья знаю, и что ты не готов лететь на станцию, тоже знаю. Но и ты знаешь, что мы потеряли Вахо и Сантоса, а заменить их кроме тебя некому. Твоя жена Сайко Ли, и дочь, Фарида, теперь нужны на Адриатике, в качестве связных. Твоему сыну Саиду, предстоит наладить руководство Соппротивлением на Африке – 3 и Африке – 5. Заменить Вахо он, конечно, не сможет, но проследить, а придется и настоять, на том, чтобы его место занял самый достойный, сумеет. Учитывая фактор неопределенности в лице Косты. Я позже поясню, кто таков, – продолжал Джойс – на тебе самая ответственная задача.

– А именно? – спросил Джамиль.

– Прикрывать его спину, – кивнул в сторону Барда Джойс.

– В качестве кого я лечу? – поинтересовался Джамиль.

– Если мне не изменяет память, ты имеешь высшее образование по системам сверхдальней связи – так? – спросил Джойс.

– Да я этим, сто лет не занимался, – сокрушенно развел руками Джамиль.

– Теперь займешься, – тоном, не терпящим возражений, заявил Джойс.

– Тем более, что твоей задачей номер два будет скрытый монтаж на станции ультрафиолетового лазера, для связи с землей. Связь строго по расписанию, вторая установка будет через месяц смонтирована в Уральских горах, другого способа связи, я не вижу, – устало подытожил Джойс.

– Узконаправленный луч в невидимом диапазоне, не зная времени передачи, засечь нелегко, а считать данные не зная частоты синхронизации с приемником невозможно, – заявил Бард. – Вот только, вести исследования пространства, доводить и монтировать генератор, руководить Соппротивлением и строить лазер одновременно, у меня вряд ли получится, – обреченно вздохнул Бард.

– Получиться, обязательно получится, у тебя будут хорошие помощники, – уверенно сказал Джойс, хотя сам такой уверенности не испытывал. – Слишком все тонко, как в перетянутой струне, в любом месте может лопнуть. Слишком силен противник, а станцию можно нашпиговать приборами и датчиками слежения так, что и москит не пролетит незаметно. Все, время. Вот ваши платежные карты и коды для гипноиндукторов, без них, чипы будут выдавать только музыку.

– Стоп, у Барда нет гипноиндуктора, – заявил Грин.

– Ерунда, сейчас куплю, – отмахнулся Бард.

– Не стоит, вот возьмите мой, – протянул ему портативный гипноиндуктор Джойс. – Да вот еще что, налей ка нам всем по стаканчику, – обратился он к Джамилю.

– Если и задержат, будет что сказать, – усмехнулся Джамиль, разливая остатки рома.

– Возьмите, – Бард достал свой коммуникатор и из боковой панели выдернул похожую на спичку деталь.

– Это накопитель последнего поколения, мое очередное изделие, – слегка усмехнувшись, пояснил он. – Дома посмотрите.

Бард вышел первым. Остальные должны были уходить на лодке.

Вершители

Гордыня и жажда суетной славы и власти – вот та ядовитая змея, которая, раз проникнув в вельможные сердца, внедряется в них до тех пор, пока разобщением и рознью не сокрушит всего, что есть, ибо каждый стремится быть сначала вторым после первого, потом равным первому и, наконец, главным и выше первого.

(Томас Мор)

Дик Морган, по прозвищу Пират, глава одного из древнейших олигархических кланов, исполняющий обязанности министра планетной безопасности, рассматривал город с высоты 115 этажа, не самого высокого, но самого объемного небоскреба Америки – 3. Мегполис формально являлся столицей Мирового Совета. Впрочем, Совет в среднем раз в пять лет менял свое географическое положение, демонстрируя видимость равенности мегполисов, а фактически по соображениям безопасности самого Совета. Сто пятнадцатый этаж небоскреба, прозванного в народе пауком, за свою шести лучевую форму был последним и представлял собой, открытую площадку, под прозрачным куполом. Свое прозвище в Совете Дик, получил, за любовь к кровавым расправам и неуемную жажду денег. Впрочем, последним грешили все члены Совета. Морган был апологетом идеи очищения планеты от основной части «Человеческой плесени». Дик Морган, смотрел, на переплетение лифтовых стволов, на кишаший далеко внизу людской муравейник и остро ненавидел эту планету. Буровато – желтые облака, собиравшиеся на уровне семидесятого этажа, предвещали городу еще одну порцию кислотного дождя. Поэтому, не смотря на свой отталкивающий цвет, облака пробуждали в душе Дика подобие удовлетворения. Скоро они прольют на эту кишашую внизу плесень, свою маслянистую влагу и принесут если не смерть, то уж боль и страдание, это точно. – Жаль, сдохнуть им не дадут, – пронеслась мимолетная мысль. Первосвященник в этих вопросах был неумолим. – Ладно, скоро Совет и надо настраиваться на миролюбивый лад, – успокаивал себя Морган. Он подошел к столу Совета выполненного в виде «Звезды Давида» и плеснул в бокал изрядную порцию настоящего скотча. Форма стола, не несла в себе ни какого религиозного или национального смысла. Просто вскоре, по окончании Последней Войны, власть была забрана и прочно удерживалась шестью самыми богатыми кланами планеты. И дабы не было распрей и зависти, по примеру Короля Артура, столы Совета изготавливались в виде шести лучевой звезды. От круглого стола отказались, так как он полагал полное равенство. Между тем, каждый в Совете счи-

тал, что он остальным не ровня. Поэтому шесть углов, стали символами шести вершин власти, и устраивали всех.

Дик Морган, считал, что такая искусственная конгломерация, как шесть правителей, неестественна и поэтому неустойчива. Правитель должен быть один. Правда такого же мнения придерживались и остальные члены Совета. При этом каждый, периодически пытался, примерить на себя эту тогу. Но каждый раз, усилиями остальных, ситуация выравнивалась, и снова приходила в положение неустойчивого равновесия. Дик Морган, владел третьей частью вооруженных сил планеты, и формально мог командовать всеми. Однако формально, оно и есть формально. Две трети вооруженных сил, были равномерно распределены между другими кланами, и случись, вздумается ему, погреть оружием, остальные тут же объединятся. Всеми вооруженными силами, он мог командовать, только с согласия Совета. По уставу Совета, решение принималось либо большинством голосов, либо, в случае равенства, жребием.

Прозвучала предупредительная мелодия. Это значило, что прибыл еще один из заклятых «Друзей». Бесшумно скользнула в сторону матовая дверь лифта и по мраморному полу в зал скользнула худая и высокая фигура Косыгина Григория Борисовича, министра глобального контроля, которого за глаза называли, «министром КГБ». Впрочем, последний об этом знал, и ни чуть не обижался, а как бы даже гордился аббревиатурой своего родового имени. Это был, по мнению Моргана, самый опасный из членов Совета. Именно он протащил на последнем Совете закон о полном подчинении себе, всех секретных служб. При этом он умудрился убедить Совет, что в каждом Легионе, и его – Моргана Легионах в том числе, должно находиться как минимум одно спецподразделение. Правда, закон был принят в результате жребия, но ведь принят.

– Идиоты, – мысленно выругался Морган. – Добровольно отдать себя под контроль. Нет, положительно идиоты. Между тем, вымуштрованное десятилетиями политической деятельности лицо Дика, излучало ослепительную улыбку, а теплый, дружеский голос автоматически произносил слова приветствия.

– И тебе не болеть, – хмуро буркнул Григорий Косыгин. Сколько помнил, его Дик, он всегда был хмур. Его вытянутое почти треугольное лицо, с подчеркнута треугольной бородкой, всегда носило, будто приклеенное, кисло презрительное выражение. Даже самые острые шутки, вызывали на его губах, лишь змеящуюся презрительную полуулыбку. Ни кто, и ни когда, не видел, чтобы Григорий открыто улыбался, или смеялся. Задумавшись, Морган на секунду расслабился и, следуя за своими мыслями с интересом спросил:

– Гриш, а ты когда – нибудь, бываешь доволен?

– Сегодня доволен, – сумрачно пробурчал Косыгин.

– Сегодня? Это чем же? – удивленно, вскинул брови Дик.

– Ты потерял двадцать четыре штурмовика, значит, стал слабее, вот я и доволен.

Это был, удар в пах. Морган, чуть не задохнулся от ярости. Но заметив пристальный изучающий взгляд Косыгина, тут же взял себя в руки.

– Ну и я доволен, раз мой друг доволен, – беззаботно заявил он.

– Считаю это моим подарком к твоему сто тридцатилетию, – не удержавшись, съязвил Дик.

Напоминать друг другу о возрасте, считалось верхом неприличия среди членов Совета. Однако Косыгин и бровью не повел. Кривая полуулыбка скользнула по тонким губам и по-прежнему ворчливым, но уже с оттенком одобрения голосом он буркнул:

– Хорошо удар держишь, шельмец.

Моргана отпустило. Раздалось почти одновременно несколько сигналов оповещения с разных лифтовых кабин. В зал вошел, или вернее вкатился, Первосвященник Ву Вужоу, по прозвищу Шаман, с лицом Будды стилизованного под европейца и шарообразной фигурой, в которой невозможно было угадать, ни плеч, ни бедер, ни тем более, талии. Короткие ноги,

почти отсутствующая шея, и напрочь лишенная растительности голова, еще более усиливали его сходство с бильярдным шаром.

– Господи, ну почему все священники такие жирные, – пробормотал свои мысли вслух Морган.

– Они-с, постытся-с, – в свойственной ему манере пробурчал Косыгин. От другого лифта приближалась стройная и пропорциональная фигура министра финансов Райхмана Вагшаля, по прозвищу Счетовод, одетого в строгий деловой костюм. Уверенный вид и вышколенную осанку министра несколько портил хищно изогнутый нос. А острый слегка прищуренный взгляд, холодных, почти черных глаз, создавал у собеседника ощущение, что он находится под постоянным прицелом. Мимикой Райхман владел превосходно, широкая улыбка должествующая излучать приветливость, наоборот, словно джеб боксера, удерживала противника на соответствующей дистанции. Последними вошли министр пропаганды и министр юстиции. Клаудио Кортеза Игнасио, отпрыск известного мексиканского мафиози Теодора Гарсия Сименталя, унаследовавший прозвище своего «знаменитого» пра – прадеда Эль Тео, и Бабаджай Зикимо Зубери жгуче черный уроженец Южной Африки. Клаудио – сухопарый и подтянутый мужчина, невысокого роста. На вид лет сорока – сорока пяти, со смуглым, изрезанным острыми морщинами лицом, строго очерченной линией губ и вечно презрительным выражением лица. Бабаджай, как типичный представитель своего народа, отличался гуталиново-черным цветом кожи, жесткими короткими, курчавыми волосами, развитой, при среднем росте мускулатурой, и нежным почти девичьим овалом лица с по – детски припухлыми губами. При внешней мягкости и податливости, характер Зикимо по прозвищу «Зверь» определялся особой жесткостью, или даже жестокостью. Выходец из самых нижних слоев общества, благодаря полному отсутствию совести, и даже зачатков какой либо жалости и сострадания, докарабкавшись до своего положения, буквально по трупам, внушал ужас не только подчиненным, но и некоторым членам Совета. Он был ярким противником Ву Вужоу, и полностью поддерживал апологетику всеобщего истребления, Дика Моргана. При этом, в его руках находилось восемьдесят пять процентов средств массовой информации и весь Совет, хотя или нехотя, вынужден был считаться с его мнением.

– Начнем, – будничным ни чего не выражающим тоном, произнес Счетовод. Совет, велся каждым членом по очереди. Это, не давало ни каких преимуществ, кроме права «ВЕТО». Ведущей мог, воспользовавшись этим правом, аннулировать все решения Совета проводившегося под его руководством. В этом случае, нумерация текущего Совета обнулялась, и негласно считалось, что такого Совета вообще не проводилось. К слову сказать, количество непризнанных Советов, достигало тридцати процентов от общего числа проведенных.

– Начнем, – подтвердил Кортеза.

– Кто мне скажет, что произошло? – спросил Счетовод.

– Произошла маленькая война, – ответил КГБ.

– Из – за чего? – спросил Счетовод.

– Из – за куска мерзлой земли, – пояснил Косыгин.

– Я не понял! – возопил Шаман.

– Зачем нам ЭТО?

– Успокойтесь святой отец, – парировал Морган. – Это не Ваша епархия!

– Это случайность, нонсенс, игра случая! – быстро проговорил Морган.

– Если министр безопасности относится к этому так, – буркнул Косыгин, – то я умываю руки. Дик Морган, дернулся.

– Косыгин, сволочь, всегда находил слабые места. Но сейчас надо было держать лицо!

– Да я к этому, отношусь так, – заявил Морган.

– Важно, не то, как ты к этому относишься, важен результат! – сказал Косыгин.

Морган почти физически почувствовал этот удар.

– Есть и результат, – пытаюсь взять себя в руки, продолжил Морган.
– Два неизвестных стратоплана, проникшие на территорию ЗКП РВСН в Баренцевом море уничтожены!

– Уничтожены два, – подтвердил Косыгин, – а сколько их было?

– Трудно сказать, – согласился Пират, – там повышенная ионизация была, изначально, станции показали от одного, до двадцати.

– А если их и было двадцать? – язвительно спросил Косыгин.

– То все равно, все сдохли. Сгорели в ядерной печке, – подытожил Пират.

– Я одного не пойму, откуда у них ядерное оружие? – спросил Шаман.

– Это не у них, это у него, – кивнув на Моргана, устало сказал Косыгин.

– По моим данным, из двадцати четырех штурмовиков, два были снабжены ядерными боеголовками, как раз соответствующей мощности. Какой у них был приказ? – обращаясь к Пирату, спросил Косыгин.

Врать было бессмысленно и Морган, стиснув зубы ответил:

– Уничтожить остров Галля, стереть его с карты планеты.

– Задача не выполнена, штурмовики потеряны, кто управлял стратопланами, мы не знаем, – флегматично подвел итог КГБ.

– Я сомневаюсь в Вашей компетентности, министр, – внезапно заявил Шаман.

Это были страшные слова. Сомнение в компетентности означало, что все автоматически объединяются против одного. Так было в самом начале, после Последней войны. Тогда стол был восьмиугольным и напоминал компас с нанесенными румбами. Но сомнения в компетентности бывших министров и определили нынешнюю шестиугольную форму.

Шаман действовал наверняка. По предварительной договоренности с Косыгина с Клаудио Кортеза, именно он ведущий совет, именно Шаман должен был бросить эту фразу.

– Поддержат, обязательно поддержат, не могут не поддержать, – мысленно уговаривал себя Шаман. Ведь как заманчиво было, используя ошибку в управлении, свалить все грехи на Пирата и добиться его вывода из Совета.

Морган вздрогнул и напрягся. Он мысленно просчитывал, что успеет сделать. По любому выходило, что после всего, Шаман не смог бы восстановиться.

– Тебя это не спасет, – ткнув пальцем в сторону Шамана, прорычал Морган.

– Тебя, только тебя, я выбираю своей целью, – заявил Пират и шагнул к лифту. Формально Морган, бросил вызов только Ву Вужоу, а не всему Совету. Но он прекрасно понимал, что ему не дадут разобраться с этим святошей один на один. Однако он должен был попытаться, должен был использовать свой единственный шанс. Уж лучше всеобщий ядерный пожар, полное уничтожение этой планеты, покрытой человеческой плесенью, чем прозябание, пусть и богатенького, но отстраненного от власти нувориши.

Настала очередь вздрогнуть Шаману, если этот безумец обрушит силы всех своих легионов на одного него, то от его империи останутся ошметки, которые с легкостью дождут остальные.

– И ведь ни кто не вмешивается, не смотря на все договоренности, – с горечью думал Ву Вужоу. Вызов был брошен персонально и остальным выгодно, чтоб два сильных противника подрались. Любой победивший будет ослаблен войной и станет легкой добычей для других.

– Постой, погоди, я погорячился, – в отчаянии закричал Шаман. Закаменевшая спина Пирата дрогнула, и он остановился в полушаге от лифтового ствола. Неформальные извинения были произнесены, и обострять ситуацию не стоило.

Ни Пират, ни Шаман, не видели, как напряглись и тут же опали мускулы на скулах Косыгина, как сжались в кулаки и вновь распрямились пальцы Кортеза. Еще бы, тщательно спланированная и мастерски проведенная операция по сокращению количественного состава Совета дала неожиданный сбой.

– Ни когда не стоит делать ставку на труса, – решил Косыгин, с ненавистью глядя на Шамана. Клаудио, думал иначе. Малодушие Шамана давало шанс, что в будущем его можно будет использовать, под давлением, в качестве подставной фигуры.

– Спокойней господа, спокойнее, – собирая свои дивиденды, голосом глашатая урезонивал Счетовод.

– Кроме междоусобных свар у нас есть и более значимые задачи.

– Например? – спросил Зикимо.

– Вавилонская башня, – коротко ответил Счетовод. Зикимо не в силах совладать с эмоциями слегка поморщился. Да Вавилонская башня, как и проект, Эдем нужны были всем. Однако в случае переселения и Счетовод, и Пират и КГБ получали зримые преимущества. Кому, например, понадобились бы фермы гидропоники, питаемые человеческими останками и испражнениями, владельцем большинства которых был Шаман? Ведь Эдем был девственно чистой планетой, с толстым слоем хорошо удобренной, жирной почвы, а население его будет, как планировалось, не выше полумиллиарда. Там на Эдеме, десятки тысяч лет предстояло вырабатывать естественные ресурсы почвы, прежде чем возникнет необходимость в фермах гидропоники потребляющих около восьмидесяти миллионов человеческих тел в год. Шаману там светила не власть, а жалкое прозябание, причем на исключительно религиозной основе. Не в лучшем положении был и Зверь. Информационная политика, нужна была здесь, на земле. А полу миллиардом ошалевших от гигантских просторов землян, с легкостью можно было управлять и без средств массовой информации, которые к тому же, с легкостью заменят проповеди ставшего «безработным» Шамана. Кстати и перспективы Кортеза, тоже не выглядели радужными. Юстиция, как и закон в целом вряд ли потребуются в новом мире. Скорее всего, каждый правитель придумает отдельный закон, для своих территорий и в услугах Клаудио, вряд ли кто будет нуждаться.

Это понимали все. Так же, как понимали все и необходимость проекта Вавилонская башня. Как бы то ни было, а часы планеты Земля были сочтены. Планета вошла в экологический штопор, и выйти из него без внешнего воздействия уже не могла. Да и выводить ее было не кому. Правящая элита, загадив донельзя одну комнату во вселенской квартире, переходила в другую, светлую, чистую и уютную. И здесь уже не важны были ни власть, ни престиж. Хотелось просто пожить под голубым небом, не грозящим ежечасно кислотным дождем, поплескаться в теплом ласковом море, подышать свежим, чистым воздухом и насладиться весенними ароматами луговых трав.

Это была мечта и, не смотря на жесткую броню заскорузлой человеческой скорлупы, сотканной из эгоизма и ненависти, в душе каждого, под пластами повседневного дерьма, алой звездочкой тлел уголек теплой божественной искры, именуемой в просторечии Душой.

– Так что там с Вавилонской башней? – небрежно бросил Зикимо.

– Есть вероятность, что она находится в зоне интересов Соппротивления, – будничным тоном произнес счетовод.

– Есть вероятность, что в зоне интересов Соппротивления, находится каждый наш проект, – язвительно заметил Косыгин.

– Это не моя, скорее ваша, сфера влияния, – заметил счетовод, – хотелось бы услышать и соображения профессионала.

– Извольте, – кивнул Косыгин.

– Моим департаментом разработана спец. операция по агентурному контролю на станции. Задействовано четыре агента второго класса, два агента первого класса и агент класса зеро.

– И кто же этот пресловутый Зеро, – полюбопытствовал Морган.

– Если бы я был идиотом, я бы обязательно назвал вам его имя или кличку, – с нескрываемым сарказмом ответил Косыгин.

– Я ни чего не имею против секретности, – смиренно пробормотал Морган, – но ведь надо как – то его отправить на станцию?

– Он бы не был агентом класса Зеро, если бы не мог пройти там, где нельзя и сделать то, что невозможно, – бесстрастно парировал Косыгин.

Не смотря на внешнюю бравату и невозмутимость, Косыгин был растерян. События принимали не зависящий от него ход, и это выбивало из колеи. Девяносто процентов сил и времени было угроблено на борьбу внутри Совета. Основные силы были втянуты, в контроль и слежку за членами Совета. В этой борьбе он упустил что то, важное, главное. Внутренне он понимал, что это Соппротивление, но был не готов к тому, чтоб на борьбу с последним, отвлечь силы, брошенные на Совет. Члены Совета были ближе, их цели понятны, их средства известны. А пресловутое Соппротивление, не имело, ни сколько, ни будь значительных сил, ни подконтрольных и значимых средств, для борьбы с Советом. Именно поэтому, Косыгин, после непродолжительной внутренней борьбы выделил на операцию Вавилонская башня, только одного агента класса Зеро, агента по кличке Хирург.

Но, что это был за агент? Это было само совершенство! Умный, сильный, осторожный, знающий в совершенстве, приемы психологической обработки, свободно владеющий, любым оружием. Мастер перевоплощений, актер, что называется, от бога. Агент, умеющий сочувствовать, любить ненавидеть и искренне сострадать в соответствии с выбранной ролью.

Таких агентов были единицы, и Косыгин искренне сожалел, что одного из лучших предстояло отправить на Вавилонскую башню. Но башня это будущее, *это завтра. Завтра, вчерашней планеты Земля. Завтра, которое началось еще вчера.* Это Косыгин понимал и принимал с покорностью неизбежности.

Корпорация

Не вступай на стезю нечестивых и не ходи по пути злых
оставь его, не ходи по нему, уклонись от него и пройди мимо;
потому что они не заснут, если не сделают зла; пропадает
сон у них, если они не доведут кого до падения; ибо они едят
хлеб беззакония и пьют вино хищения... – Путь же беззаконных
как тьма; они не знают, обо что споткнутся.

(Книга Притчей Соломоновых. IV, 14—19)

Тяжелые лоснящиеся от переизбытка влаги черно – коричневые тучи кучно клубились над городом. Бард шел по набережной упругим шагом, к ближайшему лифту, время от времени, бросая тревожные взгляды на небо. Оказаться под кислотным ливнем совсем не улыбалось. В воздухе отчетливо чувствовался металлический привкус. Бард ускорил шаги и через несколько минут втиснулся в кабину почти полного лифта. Прозвучал мелодичный сигнал закрытия дверей, когда Бард увидел торопливо бегущую к лифту стройную, чем – то смутно знакомую девичью фигурку. Всего в нескольких шагах от бегущей, в пластиковое покрытие дороги, начали мерно ударять, первые тяжелые капли кислотного ливня. Под неодобрительные взгляды пассажиров Бард нажал кнопку отмены движения, и полузакрытые двери лифта замерли. Ожидать опоздавших, было, не в правилах этого мира. А останавливать лифт во время ливня, считалось признаком самого дурного тона. Под злобное бормотание людей, в лифт протиснулась запыхавшаяся девушка и с благодарностью взглянула на Барда. Бард с удивлением узнал в опоздавшей попутчице докторшу из кутузки Легиона. Опасность! Тут же отреагировал тренированный разум, и Бард безразлично отвернулся от девушки. Если легионеры узнают, что я более часа шатался незнамо где, а не сидел дома по их распоряжению, допроса на полиграфе не избежать. Узкая ладонь опустилась на предплечье Барда.

– Поверьте, я вам искренне благодарна, – смущаясь, сказала девушка. Бард вынужден был повернуться и, увидев ее глаза обомлел. Такая нежность, испуганность и благодарность, светились в этих синих, чуть раскосых глазах, что смотреть в них хотелось не отрываясь.

– Да не стоит, – пробормотал Бард, не в силах скинуть ее ладонь со своей руки. Однако рассудок продолжал бить тревогу и Бард, придав голосу нужную официальность строго произ-

нес: – Любой гражданин обязан оказывать помощь, офицеру Легиона. Девушка звонко засмеялась. Этот смех Бард готов был слушать часами. Впечатление создавалось такое, как будто, сотни серебряных колокольчиков с разными тонами поочередно, вызванивали какой – то незатейливый, но очень приятный мотив.

– Что вы!

– Я вовсе не офицер легиона, я просто врач службы спасения, – через смех проговорила девушка.

– И я настаиваю, что обязана вам, если не жизнью, то здоровьем.

– Поэтому, будь обстоятельства другими, я бы напросилась к вам на ужин но, увы, увы, увы!

Бард просто физически чувствовал, что поглупел минимум на восемьдесят процентов. Не зная, что сказать, он, блымакая округлившимися глазами, тупо спросил:

– Какие такие обстоятельства?

– Да самые обыкновенные, – беззаботно рассмеялась девушка, – я место работы поменяла!

– Или я полный идиот, или последние события, полностью дезавуировали мой разум, – констатировал Бард, – только я, ни чего не понимаю.

– Ну, какое отношение имеет смена работы с обещанным вами ужином. Конечно, Бард слукавил, назвав ужин обещанным, но ему понравилась девушка, и отказываться от продолжения отношений с ней, он не собирался.

– Мой департамент, направляет меня на работу, в космос. «Вавилонская башня», может, слышали? – спросила девушка.

– Как не слышать, – ответил Бард, – если несбыточной мечтой каждого специалиста, или мастера, стали жизнь и работа на станции.

– Впрочем, поздравляю. Бард небрежно протянул руку, хотя в душе потеплело от неожиданной радости. Они будут вместе! Они там, будут вместе! Ведь она даже не подозревает, что и там, на станции, они будут вместе. Тревожный зуммер холодного рассудка, заглох, где то там, в тайниках мозга, захлестнутый цунами чувств и эмоций не подвластных разуму.

Мелодичная трель лифта оповестила Барда, что он прибыл в свой район. Ни слова не говоря, он, выскользнул наружу, предварительно нажав кнопку продолжения маршрута.

Последнее что он увидел, это обиженно – печальное лицо новой знакомицы, в кабине уносящегося лифтового вагона. В приподнятом настроении, Бард нажал кнопку вертикального лифта и через минуту оказался на лестничной площадке своей квартиры. Достав кодовый опознаватель, Бард шагнул к двери, и... кто – то всемогущий выключил свет в этом мире... Действительность, перестала существовать.

Как вы себя чувствуете, проскрипел до отвратительности официальный голос.

– Дерьмово, – честно ответил Бард, не успев осознать, что постепенно приходит в себя.

– Это хорошо, – произнес неизвестный, с той же скрипучей интонацией.

– Транквилизатор полностью нейтрализует действие наркотика, через двадцать минут.

– Будьте готовы к немедленной эвакуации.

– Кто вы? Какая эвакуация? Куда, зачем?

– Вам все объяснят в правлении Корпорации. Лишних вопросов не задавать!

Бард, почувствовав полный контроль над разумом, внутренне вскипел.

– Ну, погоди, держиморда, посмотрим, кто тут главный – решил про себя Бард и громко заявил, – я ни куда не эвакуируюсь.

– Не горячитесь, юноша – тихо произнес неизвестный, надо сказать с приятным баритоном джентльмен.

– Я забыл представиться, я представитель корпорации и ваш личный адвокат Сэмюель Стинг.

– Да ну! Если вы мой личный адвокат, то растолкуйте мне неразумному, тот беспредел, коей я вижу в своей квартире, – вполне спокойно сказал Бард.

– Извольте, – ни сколько не смутившись, ответил Стинг.

– Вас, как лицо, представляющее особый интерес для Корпорации, снабдили специальной охраной, призванной предотвратить утечку любой информации и приказали в кратчайшие сроки доставить на станцию.

– Ага, а заодно накачали наркотиками, и ворвались в мою квартиру, откуда, если я правильно понимаю, меня против воли собираются эвакуировать, на какую-то станцию.

– Я ни чего не упустил? – тоном полным сарказма поинтересовался Бард.

– Интересы вашей безопасности, на станции, требовали от сотрудников охраны быстрых и четких действий, конкретно прописанных в инструкциях Корпорации.

– Возможно, после примененных ко мне наркотиков и транквилизаторов, я стал хуже слышать, но мне кажется, вы говорили, что вы МОЙ личный адвокат?

– Так и есть, – утвердительно кивнул Стинг, промакивая платком покрывшийся испариной лоб.

– Однако судя по ситуации, сейчас вы занимаетесь защитой охраны, если конечно это можно назвать охраной?

– Нет, сейчас я занимаюсь соблюдением Вами условий контракта с Корпорацией, – жестко произнес Стинг.

– Простите, но я не подписывал контракта для работы, на какой – то там станции, – безапелляционно заявил Бард. Лицо адвоката приняло глуповатое выражение. Глаза за старомодной оправой очков, бездумно захлопали.

– Но ведь это очевидно, – забормотал Стинг.

– Мечта каждого нормального землянина, жить и работать на станции!

– Если вы не заметили, то я не совсем нормальный, о чем говорит хотя-бы мое изобретение, – желчно парировал Бард.

Глаза адвоката снова беспорядочно захлопали.

– Мы как то не думали», начал было пояснять Стинг, но его мысли не суждено было обрести законченный вид. Двери квартиры Барда с грохотом рухнули в комнату. С лестничной площадки, в клубах едкого дыма, скользнули четыре тени бойцов Легиона.

– Всем лежать, – прогремела усиленная мегафоном команда. С легионерами не спорят. Понимал это и квартет новоявленных охранников во главе с командиром. В квартире повисла вязкая тишина. Шесть тел распластавшихся по всей жилплощади Барда не осмеливались ни пошевелиться, ни издать даже звука.

– Ответственному квартиросъемщику встать! – рявкнул мегафон. Бард принял вертикальное положение и поклонился офицеру легиона.

– Благодарю Вас офицер, вы как всегда вовремя.

– Не стоит, это наша работа, – с едва заметным намеком на ответный поклон и явно польщенный пробасил офицер.

– Что случилось? – принимая официальный вид, спросил он.

– При входе в квартиру на меня напали и лишили сознания неизвестные мне люди, – обводя широким жестом лежащих на полу, пояснил Бард.

– Позвольте! – пытаясь встать начал Стинг, но тут же был припечатан тяжелым ботинком легионера, к полу.

– На мои вопросы отвечать лежа, – гудящим басом, пророкотал офицер легиона.

– С какой целью и по какому праву вы ворвались в чужую квартиру и нанесли физический вред ее владельцу?

Бард внутренне упивался сложившейся ситуацией. Десять минут назад, при первых проблесках сознания, он нажал тревожную кнопку, вмонтированную в столешницу, и с нетерпением ожидал развития событий.

– Мы сотрудники службы безопасности Корпорации, – покорно повествовал Стинг.

– Находимся здесь по распоряжению руководства, с целью обеспечения безопасности господина Бардина и предотвращению утечки ценной информации.

Офицер легиона при слове Корпорация слегка поморщился, но не более.

– Вы не ответили ни на один мой вопрос, – голосом, не терпящим возражений, произнес легионер.

– Поэтому, я принимаю решение о вашем задержании на двадцать четыре часа.

Легионеры молча накинули самозатягивающиеся петли, на запястья лежащих безопасников и стали их по одному, выволакивать из квартиры Барда. Техники Легиона принялись за восстановление сорванной с петель двери.

– Вы исправный платательщик, – обращаясь к Барду, офицер снова слегка поклонился.

– И вы можете рассчитывать, хотя бы на минимум справедливости, однако Корпорация, есть Корпорация.

– Двадцать четыре часа, это блеф.

– Дай бог, чтоб на четыре часа моей власти хватило. Офицер козырнул и резко повернулся к лестничной площадке.

– Спасибо офицер, – искренне поблагодарил Бард.

– Мне хватит, мне должно их хватить, этих четырех часов.

– Четыре часа! Конечно, мало, нестерпимо мало, но надо успеть. И не смотря на наваливающуюся усталость, Бард достал гипноиндуктор. Этим прибором Бард принципиально ни когда не пользовался. Считая, что гипноиндуктор, это кратчайшая дорога для получения прямо в мозг, оголтелой пропаганды правящей элиты, Бард исключил этот прибор из своего обихода. Задумчиво рассматривая прибор, Бард взвешивал все за и против его применения. Да за неполных тридцать минут он мог получить информацию, на изучение которой потребовались бы месяцы. Но с другой стороны, где гарантии что вместе с нужной и бесценной информацией, он не получит на подсознательном уровне, и жесткие установки Сопротивления. Кто скажет, кем станет Бард после применения гипноиндуктора? Ученым Дмитрием Бардиным, или фанатиком Сопротивления? Таких рисков мозг Барда не допускал. С другой стороны, иных способов общения, кроме изучения таблицы кодемов Бард не видел. Вздохнув, Бард подключил гипноиндуктор к незарегистрированному компу. Комп был старой модификации, по случаю приобретенный с рук, на Перегонке. Перегонкой назывался единственный живой рынок на плюс первом уровне. Туда сходились и нищие крестьяне, чудом сумевшие добыть несколько брикетов пищевых дрожжей, и верхушка общества, жаждущая приобрести суррогат Шотландского Виски. Негласно на нем продавали спирт, изготовленный кустарно, путем, перегонкой дрожжевой браги. Перегонные аппараты и дали название самому рынку – «Перегонка». Перегонка, была как бы живой душой города. В нее стекались все слухи и вести, на ней можно было купить все, от старой опасной бритвы, до современного лазерного, бритвенного станка. Более достоверной информации, чем с Перегонки, получить было невозможно. Однако эта особенность Перегонки была отлично известна всем, и беспардонно использовалась спецслужбами Легиона.

Бард любил Перегонку и частенько туда хаживал. Старый компьютер, разработки канувшей в Лету фирмы «Intel» Бард купил за достаточно быстрый процессор. Потом довел дома до современных скоростей и даже умудрился увеличить объем памяти, не прибегая к современным деталям, строго нумерованным и отслеживаемым всеми службами кибер – контроля. Кстати, еще одним и немаловажным вопросом, была доставка этого чуда инженерной мысли Барда, на станцию. Пока комп извлекал и дешифровал информацию, Бард думал.

Мысли были неутешительны. Если он, в течение получаса, смог извлечь дешифровать и систематизировать, вложенные в гипноиндуктор файлы, причем, на не самом мощном оборудовании, то и любому мало – мальски грамотному кибермэну Легиона на это потребуется не более ста часов. Одним словом, те кодемы, которые вмонтированы в гипноиндуктор, для связи, небезопасны. Оставалось около трех часов. Бард решительно вставил фасолину приемопередатчика в ухо и на общей волне твердым голосом сказал.

- Это приказ!
- Всем, немедленно избавиться от гипноиндукторов!
- На станции получите новые средства связи.

Перегонка

Не проворным достается успешный бег,
не храбрым – победа, не мудрым – хлеб,
и не у разумных – богатство,
и не искусным – благорасположение,
но время и случай для всех их.

(Книга Екклесиаста. IX, 11)

Работа предстояла адская. За неполные четыре часа, необходимо было придумать и изготовить, общее средство коммуникации. При этом, оно не должно было засекается ни одним средством электронного, оптического или звукового наблюдения.

– Нет, это тупиковый путь, – устало размышлял Бард. Придумать может быть и удалось, но изготовить и доставить на станцию, было нереально. Бард продолжал мерить шагами комнату. Усталость, накопившаяся за богатый событиями день, притупляла разум.

Где – то он уже слышал, полуфантастические истории, о невербальном общении среди членов мафиозных кланов. Кто-то ему рассказывал. – Стоп, это же Семен еще во время учебы, уверял, что подобные приборы есть чуть ли не у каждого мафиози. В подобную чушь трудно верилось еще тогда. Но сейчас, при полном цейтноте, Барду, очень хотелось поверить. – Где же его искать, Семена, Семку, Сенью? Последний раз Бард видел его на Перегонке, приторговывающим безномерными чипами, как раз, когда покупал свой древний комп. – Маловероятно, чтоб Сема был там, прямо сейчас, – лихорадочно размышлял он. – Да, но еще мало вероятнее, чтоб такой прибор существовал, и чтоб Сема знал, где его купить, – бились в голове шальные мысли. Однако мысли мыслями, а ноги уже соскакивали на тротуар, едва просохший после кислотного дождя. В воздухе резко пахло ржавчиной и прелой землей. Перегонка встретила Барда, привычным людским гулом и запахом забродивших дрожжей.

– Четвертый квартал, шестой ряд, – услужливо подсказала память. Вот и пластиковая палатка раскрашенная, как бред импрессиониста. Бард рванул входную дверь.

– Закрыто! – рявкнул из полумрака прилавка, знакомый и такой нужный сейчас голос.

– А, это ты, – с ноткой удивления пробурчал Семен.

– Что из Корпорации поперли? – пристально вглядываясь в лицо Барда, поинтересовался он. Бард быстрым взглядом окинул палатку. Грязь, пустые бутылки, общее впечатление бедности и антисанитарии.

– Гораздо хуже, чем в прошлый раз, – мысленно резюмировал Бард.

– Нет Сем, пока не выперли и только от тебя зависит, выпрут ли вообще, – глядя в глаза бывшему студенту и нынешнему опустившемуся человеку, – честно признался Бард.

– Не драматизируй, люди и на минус первом живут. Что надо – то? – спросил Сема.

– Помнишь, ты рассказывал о приборе для невербального общения? – Бард невольно поежился.

– Я – то помню, а вот ты помнишь, для кого этот прибор? Семен выжидательно уставился на Барда.

– Помню. Бард открыто взглянул в глаза Семе. Несколько секунд, длилась эта скрытая борьба взглядов.

– Ну а помнишь, так пошли, – не выдержав его взгляда, отвернулся Семен.

– Куда? – недоуменно спросил Бард.

– Туда, – кивая на кучу мусора в углу палатки показал Сема.

Под кучей мусора и полусгнившим половиком открылась крышка канализационного люка. Короткая металлическая лестница привела в чистое, ярко освещенное помещение уставленное электроникой и вакуумными упаковками с микрочипами, аналогов которым Бард не наблюдал, даже в лабораториях Корпорации. Посреди лаборатории гордо красовался мощный лазер и небольшая центрифуга. Бард обернулся, и встретился взглядом с улыбающимся, и явно довольным произведенным эффектом Семей.

– Сверху бутафория и мелкий бизнес, – пояснил Семен, – здесь все настоящее и крупный бизнес.

– Я не спрашиваю, откуда это, – широким жестом обводя помещение, спросил Бард.

– Я спрашиваю, ты соображаешь, что за это будет?

Семен снова пристально взглянул на Барда.

– Я тоже не спрашиваю, зачем тебе аудио коммуникатор, – с вызовом ответил Семен.

– А что за него будет, ты знаешь, возможно, даже лучше меня.

– Подожди! Как аудио? – всполохился Бард. Семен хитро улыбнулся.

– А так, аудио. Или ты считаешь, что в современном мире невозможно отследить, самое слабое изменение электромагнитного поля? И не став долее мучить Барда, Семен достал две плоские, на ощупь пластиковые таблетки.

– Принцип действия прост. Особенность человеческого организма, это думать вслух. Да, да не удивляйся. Каждая осознанная тобой мысль передается в речевой центр. В подробности вдаваться не буду, но каждое микроколебание голосовых связок и вторичные кости черепа попадают в усилитель, – Семен подбросил таблетку.

– Сигнал преобразуется в ультразвук, – продолжал Семен, – и вызвав колебания костей черепа собеседника, улавливается приемником. Семен подбросил вторую таблетку.

– Затем сигнал, усиливается, преобразуется и попадает в слуховой центр, правда уже в нормальном диапазоне частот.

– Здорово, – восхитился Бард.

– Есть недостаток, – уточнил Семен – все это действует на расстоянии не более пяти метров, да и собеседник будет знать все, о чем ты просто подумаешь, а это не слишком приятно.

– Ничего переживем, а как применять? – уточнил Бард.

– Лепишь таблетки к коренным зубам и сдавливаешь по возможности сильно. Нано плёнка равномерно растекается по зубу и отвердевает в течении минуты, – пояснил Семен. – Чтобы включить, сильно прикусываешь. Повторный прикус выключает аудио коммуникатор, – закончил он свой краткий инструктаж.

– Отпустите мне четыре десятка, – тоном капризного покупателя, дурачась, потребовал Бард. Глаза Семена округлились. Когда первое изумление прошло, он устало взглянул на Барда и сказал: Изготовленных образцов, всего восемь пар, стоимость каждой десять тысяч кредитов. У тебя есть такие деньги?

– Тебе заплатят, – растерянно сказал Бард, – тебе, обязательно заплатят.

– Да знаю, – устало махнул рукой Семен. Твой ангел хранитель уже как полчаса, трется возле моей палатки.

– Какой ангел хранитель? – с искренним удивлением спросил Бард.

– Какой, какой, да Грин, кто же еще, – усмехнувшись, ответил Семен. – Богатенький сынок богатенького папаши. Слушай, вы, что локальную войну затеяли? Ну, на кой черт вам столько аудио коммуникаторов?

– Подожди, подожди, – перебил его Бард. – А его можно сюда позвать?

– Можно, но не стоит, метрах в трехстах на Перегонке, пара агентов Легиона крутятся.

– Может по другому поводу, а может, и нет. Я бы рисковать не стал, – трезво рассудил Семен. – Тем более камер здесь понатыкано, мама не горюй.

– Придется рискнуть, – принял решение Бард, – тем более, что Грин не только плательщик, но и заказчик. Пискнул сигнал ручного коммуникатора. Бард выругался. Семен недоумевающе взглянул на него.

– Шеф. Корпорация, как не ко времени, – досадливо поморщился Бард.

– Не брать! – рявкнул Семен и, ринувшись в угол комнаты к прибору непонятного назначения, ткнул кнопку ядовито желтого цвета. – Ты сума сошел? – полу вопросительно, полу утвердительно поинтересовался он у Барда. – Какой идиот тебя надоумил, сунуться ко мне с коммуникатором? Тебя же по нему в пять минут вычислят. Ты вообще знаешь историю современной коммуникативной связи? Бард отрицательно мотнул головой.

– Тогда слушай. В ходе Последней Войны, все ретрансляторы и спутники, так называемой сотовой связи были уничтожены, – начал Семен. – Восстановление всей инфраструктуры сотовой связи представлялось чрезвычайно дорогим. Вместе с тем наличие множества зон высокой ионизации, даже при восстановленной инфраструктуре, не давало гарантий надежной и качественной связи. Поэтому УКВ диапазон, как агент связи, был исключен. Надежным представлялся только диапазон СДВ (сверх длинных волн), менее зависимых от радиоактивных излучений и высокоионизованных зон планеты. Однако возникла масса технических трудностей со скоростью передачи и пакетированием информации. Когда эти проблемы были разрешены, в каждом городе построили приемо-передающие станции СДВ диапазона. Кабельные трассы по периметру города видел? – спросил Семен. Бард утвердительно кивнул.

– Вот они и являются приемо-передающими антеннами СДВ диапазона. Однако каждый коммуникатор снабжается и обычным микроволновым маячком, специально, для пеленгации места носителя. Поэтому твое пребывание уже обнаружено и у нас не более десяти минут, чтобы убраться отсюда. Я запустил глушилку, но легионеры быстро вычислят источник, оставаться здесь небезопасно. Давай, зови своего Грина, сейчас это уже не имеет, ни какого значения. Поскольку коммуникатор уже не работал, Бард опрометью кинулся к лестнице, и через пару минут втащил в помещение ни чего не соображающего Грина. Семен молча сунул в руку Грину бумажку с номером счета и суммой.

– Потом, все потом, – увидев изумленное выражение на лице Грина, отмахнулся Бард.

– Сейчас уходим, поговорим по дороге. Семен ссыпал в карман Грина оставшиеся таблетки и рванул к выходу. Бард и Грин последовали за ним. На верху, в палатке, Семен достал три стакана выставил их на перевернутый ящик и плеснул в каждый по несколько грамм местного пойла.

– Пейте, – потребовал он. Бард и Грин послушно опустошили стаканы. Семен вытащил на импровизированный стол несколько брикетов планктоновой витаминной смеси и разломав, бросил туда же, кусок дрожжевой колбасы.

– Если возьмут, то встреча старых друзей, выпивали, закусывали, вспоминали учебу, – на ходу наставлял Семен.

– Сами ко мне не суйтесь, через пять дней, пришлете связного, за остальным заказом. Раньше мне все равно не управиться. Один аудио коммуникатор отдадите связнику, это и будет паролем. Оплата за остальную партию, вперед, – ткнув пальцем в грудь Грина, закончил Семен.

– Все. Вам к западному лифту. Мне к северному. Семен повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, а глушилка? – спросил Бард.

– Сама отключится, еще до того как запеленгуют, то есть через две минуты, взглянув на часы отмахнулся Семен – и быстрым шагом направился к лифту.

Бард кратко, на ходу, посвящал Грина в события последнего часа.

– Плохо, очень плохо, – выслушав, буркнул Грин.

– Мы уже десяток раз могли засветиться, да и события выходят из под контроля. Но уже ни чего не поделаешь, придется подстраиваться под обстоятельства. Все, теперь расходимся, мне придется задержаться, сам знаешь почему. Буду последним на этот месяц рейсом – Грин резко свернул и направился в сторону от лифта. Бард пошел неспешным шагом к горизонтальному лифту западных магистралей.

Надоедливым зуммером загудел наручный коммуникатор. «Все глушилка отключилась, – устало подумал Бард и нажал кнопку приема.

– Дима, мальчик мой, куда ты запропастился, – голосом заботливого отца поинтересовался начальник лаборатории.

– Ого, уже и мальчик мой, – про себя усмехнулся Бард.

– Шеф, по – моему, у меня выходной? – ответил он в коммуникатор.

– Да ни кто не спорит, но в последнее время, ты, кажется, стал злоупотреблять спиртным. То Мозголомка, теперь вот перегонка. Тебе не кажется, что это уже перебор, – не меняя тона, продолжал поучать шеф.

– Вам какая разница, все равно я у вас уже не работаю, – раздраженно ответил Бард.

– С чего ты взял? – искренне изумился начальник лаборатории.

– Надо быть полным кретином, чтобы считать, что мои действия, по отношению к вашим, с позволения сказать сотрудникам, не повлекли последствий. Тем более что схема генератора у вас уже есть, – Бард, продолжал прощупывать почву.

– Дмитрий Бардин я вам официально заявляю, что ни кто и не помышлял о вашем увольнении, – произнес торжественным тоном шеф.

– Более того, уволен идиот адвокат и все безопасники грубо нарушившие данные им инструкции.

– Ага, рассказывай, – подумал про себя Бард. Безопасники даже теоретически не могли нарушить данные им инструкции. Бард прекрасно понимал, что корпорация ведет свою игру. Попытались взять нахрапом, сломить волю и заставить плясать под свою дудку, не получилось. Теперь будут пытаться подкрасться тихой сапой, исподволь поставить его под полный контроль. Бард отчетливо осознавал, что виртуальная схема генератора, это еще не сам генератор и то, что работает в компьютерной программе, совсем не обязательно будет работать в металле. Но он, так же отдавал себе отчет, что и шеф это знает. А значит, без него, Дмитрия Бардина, Корпорации пока не обойтись.

– Сразу поддаваться нельзя, надо немного поломаться, но не переигрывать, – решил для себя Бард.

– Дима, сынок, я не могу всего тебе объяснить по коммуникатору, – продолжал увещевать шеф, – возвращайся домой, тебя уже ждут возле твоей квартиры, более компетентные

представители Корпорации, чем прежние. Поверь, ни кто больше не посмеет причинить тебе вред. Я лично проконтролирую. Прошу об одном, выслушай их внимательно. У них очень заманчивое предложение для тебя. Потом я перезвоню. И прошу тебя, не наделай глупостей. Коммуникатор отключился. Бард вошел в лифт.

Через десять минут, стоя на лестничной площадке перед своей квартирой Бард критически рассматривал, трех подтянутых и накачанных молодых людей, в одном из которых с удивлением узнал заместителя службы безопасности Корпорации Чена Ли и стоящего рядом с ними, невзрачного плешивого старичка, в идеально подогнанном костюме – тройке, с галстуком – бабочкой. – Вот это уровень, – ошеломленно подумал Бард. Плешивый старичок был ни кем иным как начальником юридического департамента Корпорации. Бард молча открыл дверь и кивком пригласил посетителей. В небольшой квартирке Барда, казалось, и разместиться негде. Однако безопасники, так ловко расположились в углах комнаты, что свободного пространства визуально не уменьшилось ни на йоту. В комнате повисла тягостная тишина. Бард, никоим образом, не хотел облегчать задачу прибывшим и хранил гробовое молчание.

– Завидую вашей выдержке, – после полуминутной паузы начал Израэль Манихевич, начальник юридического департамента.

– Ведь вы наверняка узнали и меня, и заместителя начальника службы безопасности, господина Чен Линга, – проницательно заметил он.

– Узнал, – коротко бросил Бард, – чем могу служить?

– Можете, можете, конечно, можете, – радостно закивал Манихевич.

– Но, во-первых, разрешите принести свои извинения за неуклюжие действия, наших с позволения сказать бывших сотрудников, которых вы, с полным на то правом, отправили в изолятор временного содержания Легиона. И, где они по ныне пребывают в ожидании, милостивого решения суда.

– Давай, давай, дави на жалость, вызывай во мне чувство презрения к самому себе, – раздраженно думал Бард.

– А во-вторых, от имени Корпорации позвольте вам предложить подписать новый контракт, – продолжил Израэль Манихевич, протягивая Барду несколько листов мелкого печатного текста. Бард не спеша, начал вчитываться в контракт.

– Условия шикарные, – продолжал между тем Манихевич.

– Господа, я попрошу Вас, дать мне возможность ознакомиться с контрактом в спокойной обстановке, – перебил его Бард и углубился в текст. Манихевич послушно замолчал. После десяти минутного изучения текста, Бард небрежным движением руки бросил контракт на стол и безапелляционно заявил, что подписывать это, он не намерен. С внутренним удовлетворением, он заметил как заматались глазки Манихевича и отвердели скулы Чена Ли. Но очень скоро, оба взяли себя в руки.

– А что Вас собственно не устраивает, молодой человек, – поинтересовался Манихевич, заглядывая снизу вверх, в глаза Барду.

– Прежде всего, сам переезд на «Вавилонскую Башню», – задушевым голосом пояснил Бард.

– Здесь на Земле я оставляю, приобретенную, заметьте на свои средства квартиру. Кто за нее будет платить? Тем более, что это хоть и восемь квадратных метров жилой площади, но на плюс четвертом уровне. Далее, – не давая себя перебить, продолжил Бард, – хотя условия оплаты и должность предлагаемая Корпорацией, весьма и весьма не плохи, но они не учитывают тех опасностей, которые поджидают меня в открытом космосе.

– Позвольте, позвольте, – мелко замахал руками Манихевич, – какие там могут быть опасности?

– Любой здравомыслящий Землянин, с радостью переселиться на станцию. Чистейший воздух, полное отсутствие радиации и кислотных осадков. А говоря персонально о Вас, так

это плюс должность начальника лаборатории специальных исследований, и тысяча кредитов оклада. Бард сделал вид, что на минуту задумался.

– И минус, – продолжил он эскападу Манихевича, – тотальный контроль со стороны моей личной охраны, и проживание в съемном жилище. Если на станции все так хорошо, то для чего мне личная охрана? В разговор вмешался Чен Линг.

– Видите – ли, Дмитрий, ваши исследования признаны в Корпорации настолько важными, что есть смысл опасаться за вашу жизнь и безопасность. Поэтому защищаясь от радикальных элементов, я имею в виду Сопротивление, мы вынуждены пойти, на беспрецедентные меры безопасности. Бард вежливо обернулся к Чену и непреклонным тоном заявил:

– А где гарантия, что именно ваши сотрудники не являются этими самыми радикальными элементами. В связи с этим, памятуя об общих правилах безопасности, принятых в Корпорации я настаиваю, об отсутствии каких либо третьих лиц в моем окружении, при проведении исследовательских работ. Кроме того я давно уже не ребенок, и прекрасно понимаю, что по завершении работы, перестану представлять для Корпорации, какую либо ценность, и более того, буду представлять неудобный для дальнейшего проживания объект. А значит, вот это, – Бард припечатал ладонью текст контракта, – я не подпишу. Он с удовольствием заметил обильный пот на лбу Манихевича и еще более окаменевшие скулы Чена.

– Но что, мы Вам можем предложить еще, – всплеснул руками Манихевич.

– Это просто, – улыбнулся Бард.

– Вы полностью снимаете персональный контроль, в виде личной охраны. В случае моей, не дай бог смерти, или психического расстройства, осуществляете выплату неустойки в размере десяти миллионов кредитов, по моему завещанию, и гарантируете полную свободу моих перемещений, как в пределах станции, так и между станцией и Землей.

– Но я не имею таких полномочий, – воспротивился Манихевич.

– Бросьте, – Бард устало махнул рукой, – мне, как и Вам известны пределы ваших полномочий. Да и, кстати, эту квартиру в мое отсутствие, тоже будет оплачивать Корпорация, а этот компьютерный хлам, – Бард сделал небрежный жест, в сторону старого компьютера, – я заберу с собой. Расчет был точным. Пока голова Манихевича была забита неотложными требованиями со стороны заупрямившегося ученого, на требование забрать компьютер он не обратил ни малейшего внимания.

– Ну, хорошо, – после непродолжительного раздумья заявил Манихевич, – мы принимаем ваши условия, при том, что вы незамедлительно отправляетесь на станцию.

– Документы, – протянув руку, коротко потребовал Бард. Манихевич достал из кейса ноутбук и включил коммуникатор.

– Вы все слышали, – полувопросительно полу утвердительно произнес он в приемное устройство. Вышлите мне электронную копию. Я думаю, у Вас найдется, на чем распечатать?

– Безусловно, – ответил Бард, кивнув в сторону приютившегося на книжной полке принтера.

– Пойдите, – сделал останавливающий жест Чен Линг, – я вынужден вас покинуть на несколько минут. Чен Линг, быстрым шагом вышел из квартиры.

– Опачки, а безопасник не так уж прост, – подумал Бард. – И видимо, Манихевич знает, что он работает не только на Корпорацию, раз его действия не вызвали ни какой заметной реакции.

Минут через пять Чен Линг вернулся, и едва заметным кивком, подал знак Манихевичу. Еще через десять минут, контракт был подписан.

Трель коммуникатора, услужливо поданного секретаршей, застала Косыгина в ванной. Требования молодого ученого, на секунду поставили его в тупик. «Не прост этот парень, ох как не прост, – подумал Косыгин. – Ну да ничего, сыграем пока, по его правилам. Все равно

он необходим для проекта». Наличие умных и хитрых противников, совершенно не расстраивало КГБ, даже наоборот, приносило в работу какую – то, веселую лихость, граничащую с бесшабашностью. – Ну, ну посмотрим, что ты запоешь на станции, в условиях полной изоляции от общества, и редких сеансов контролируемой связи, – размышлял Косыгин. Ну а что до контроля, то он мог, и должен быть обеспечен, может быть, не такими заметными, но, тем не менее, эффективными средствами. Дав добро, Чену, Косыгин вновь с наслаждением погрузился в бурлящую воду.

Вавилонская башня

На всей земле был один язык и одно наречие.
Двинувшись с востока, они нашли в земле
Сеннаар равнину и поселились там. И сказали

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.